

VISIT...

LANZAROTE  
*Caliente*.COM

## Мифическая реальность.

### МИФ О СЛОВАХ

В Мерцалов

Что означают слова? Какой смысл несут они в себе?

Принято считать, что с помощью слов мы обозначаем различные вещи и явления. Эти вещи будто бы и образуют значения слов, сами же слова представляют собой их наименования. В семантике - разделе языкознания, занимающемся как раз изучением значений слов, - для этих вещей существует целый ряд определений: "денотат", "десигнат", "референт", "экстенционал" и т.п. Согласно этому воззрению, денотат, то есть вещь, - это и есть предметное значение слова. ("Денотат, десигнат, предметное значение (в логике и семантике), предмет, обозначаемый собственным именем некоторого языка..." (1)). Принято также считать, что помимо значения, слово обладает еще одной характеристикой - "смыслом". Под смыслом слова в семантике понимается не сам предмет, обозначаемый словом, а наше представление об этом предмете, наше знание о нем и наше отношение к нему, включая и эмоции, которые он в нас пробуждает.

Таким образом, семантическая конструкция слова объединяет в себе по меньшей мере три элемента. Во-первых, само слово, которое служит знаком той или иной внешней вещи. Во-вторых, эту вещь - денотат - образующую предметное значение своего имени - слова. И, в-третьих, знания и чувства, которые мы связываем с данной вещью и которые составляют смысл ее имени.

Верна ли такая конструкция? Чтобы это понять, проверим ее. Для этого выберем какое-нибудь простое слово и попробуем указать вещь, которую оно обозначает. Возьмем, например, слово "дерево". Какая вещь именуется "деревом"? Это дерево или то? Липа или клен, сосна или береза? Совершенно очевидно, что "предметное значение" этого слова, его "денотат", составляет не отдельная вещь, а обобщенный образ многих вещей, многих деревьев и многих впечатлений от их созерцания. Где растет это дерево? В реальном мире? Нет, только в нашем воображении. Оно - абстракция нашего сознания, и именно эта абстракция является значением слова "дерево". Именно абстракция, образ вещи, а не вещь.

"Это старая история, - писал в свое время по схожему поводу Ф.Энгельс. - Сперва создают абстракции, отлекая их от чувственных вещей, а затем желают познать эти абстракции чувственно..." (2). Применительно к нашему случаю можно было бы сказать: "Сначала дают имена абстракциям, а затем принимают эти абстракции за чувственные вещи". На нашем примере мы можем убедиться в том, что даже такое "предметное" слово, как "дерево" - а вместо него, очевидно, можно было бы выбрать любое другое, - не имеет "предметного значения". Его значение идеально, а не предметно. За словом стоит не вещь, а мысль о вещи. Поэтому следует признать, что традиционное представление о семантической конструкции слова не выдерживает никакой проверки, что оно не соответствует действительности. В лучшем случае мы могли бы договориться рассматривать вещь в качестве "денотата", "предметного значения" ее образа, мысли о ней в сознании человека. При этом границы понятия "вещь" пришлось бы расширить настолько, чтобы они охватывали всю совокупность вещей, участвующих в создании образа. Но и это заведомо было бы ошибкой, ибо мысленный образ вещи, очевидно, отнюдь не является ее знаком, а представляет собой ее отражение, и поэтому не может иметь никакого "предметного значения", никакого "денотата". В то же время сам этот образ вполне можно рассматривать как денотат своего знака - слова, - но денотат повторим, не традиционный, а мифический. Тем самым, достигая терминального предельного, мы достигли того, что

<http://filosof.net/disput/mertsalov/mr1.htm>

## **Мифическая реальность.**

### **МИФ О СЛОВАХ**

**В.Мерцалов**

Что означают слова? Какой смысл несут они в себе?

Принято считать, что с помощью слов мы обозначаем различные вещи и явления. Эти вещи будто бы и образуют значения слов, сами же слова представляют собой их наименования. В семантике - разделе

языкознания, занимающемся как раз изучением значений слов, - для этих вещей существует целый ряд определений: "денотат", "десигнат", "референт", "экстенционал" и т.п. Согласно этому воззрению, денотат, то есть вещь, - это и есть предметное значение слова. ("Денотат, десигнат, предметное значение (в логике и семантике), предмет, обозначаемый собственным именем некоторого языка..." (1)). Принято также считать, что помимо значения, слово обладает еще одной характеристикой - "смыслом". Под смыслом слова в семантике понимается не сам предмет, обозначаемый словом, а

наше представление об этом предмете, наше знание о нем и наше отношение к нему, включая и эмоции, которые он в нас пробуждает.

Таким образом, семантическая конструкция слова объединяет в себе по меньшей мере три элемента. Во-первых, само слово, которое служит знаком той или иной внешней вещи. Во-вторых, эту вещь - денотат, - образующую предметное значение своего имени - слова. И, в-третьих, знания и чувства, которые мы связываем с данной вещью и которые составляют смысл ее имени.

Верна ли такая конструкция? Чтобы это понять, проверим ее. Для этого выберем какое-нибудь простое слово и попробуем указать вещь, которую оно обозначает. Возьмем, например, слово "дерево". Какая вещь именуется "деревом"? Это дерево или то? Липа или клен, сосна или береза? Совершенно очевидно, что "предметное значение" этого слова, его "денотат", составляет не отдельная вещь, а обобщенный образ многих вещей, многих деревьев и многих впечатлений от их созерцания. Где растет это дерево? В реальном мире? Нет, только в нашем воображении. Оно - абстракция

нашего сознания, и именно эта абстракция является значением слова "дерево". Именно абстракция, образ вещи, а не вещь.

"Это старая история, - писал в свое время по схожему поводу Ф.Энгельс. - Сперва создают абстракции, отвлекая их от чувственных вещей, а затем желают познавать эти абстракции чувственно..." (2).

Применительно к нашему случаю можно было бы сказать: "Сначала дают имена абстракциям, а затем принимают эти абстракции за чувственные вещи". На нашем примере мы можем убедиться в том, что даже такое "предметное" слово,

как "дерево" - а вместо него, очевидно, можно было бы выбрать любое другое, - не имеет "предметного значения". Его значение идеально, а не предметно. За словом стоит не вещь, а мысль о вещи. Поэтому следует признать, что традиционное представление о семантической конструкции слова не выдерживает никакой проверки, что оно не соответствует действительности. В лучшем случае мы могли бы договориться рассматривать вещь в качестве "денотата", "предметного значения" ее образа, мысли о ней в сознании человека. При этом границы понятия



"вещь" пришлось бы расширить настолько, чтобы они охватывали всю совокупность вещей, участвующих в создании образа. Но и это заведомо было бы ошибкой, ибо мысленный образ вещи, очевидно, отнюдь не является ее знаком, а представляет собой ее отражение, и поэтому не может иметь никакого "предметного значения", никакого "денотата". В то же время сам этот образ вполне можно рассматривать как денотат своего знака - слова, - но денотат, повторим, не предметный, а идеальный. Так что, вопреки привычному представлению, мы должны признать, что слова

обозначают не вещи, а только образы этих вещей в нашем сознании. Что никакое слово на самом деле не является знаком никакой реальной вещи, и никакая реальная вещь не является значением своего имени. Что денотаты слов - это элементы не мира объективной реальности, а мира наших внутренних, субъективных представлений о ней.

Даже имена собственные не составляют исключения из этого правила. Так, "планета Венера" - это обозначение отнюдь не реального небесного тела, а нашего представления о нем. Это имя, стоящее в ряду других имен

собственных, среди которых есть имена, вообще не имеющие "предметного значения" - например, "планета Фаэтон".

Как видим, ошибка семантики заключается в том, что она напрямую связывает слово с вещью, упуская из виду опосредующее звено этой связи - образ вещи. Между тем, это отдельный, самостоятельный элемент семантической конструкции слова. Он не является ни вещью, ни знаком вещи. Он представляет собой результат отражения вещи в сознании человека, то есть явление, детерминированное законами совершенно другой природы, нежели

законы знаковой логики - законами отражения. И именно этот образ получает свое имя в слове.

Слова - это метки, которые несет на себе субъективный мир образов, а не объективный мир вещей. Слова позволяют связать субъективный мир одного человека с субъективным миром другого, поскольку эти миры не отражаются непосредственно друг в друге, как отражается объект в субъекте. Их, эти субъективные миры, и объединяет система знаков, слов. Слово несет человеку известие об образе, о мысли, возникающей в голове другого. Оно всегда связывает мысль с мыслью, образ с образом, но

никогда - образ с оригиналом. Его значение умозрительно, а не реально.

Сказанное объясняет происхождение проблемы, о которой пойдет речь в этой работе. Дело в том, что образы, которыми мы населяем свое сознание, мы не только черпаем из действительности, но сплошь и рядом создаем сами, силой своего воображения. И им мы тоже даем свои имена. Поэтому в массе слов, образующих наш лексикон, наряду со словами, за которыми в конечном счете все же стоит нечто реальное, имеется не меньшее, пожалуй, множество слов, служащих знаками лишь плодов нашей фантазии. Но

умеем ли мы различать эти категории слов? Всегда ли мы способны отдать себе отчет в том, к какой из них относится данное слово?

Известно, что в глазах дикаря вещь и имя вещи составляют единое целое. "Первобытный человек, не будучи в состоянии проводить четкое различие между словами и вещами, как правило, воображает, что связь между именем и лицом или вещью, которую оно обозначает, является не произвольной и идеальной ассоциацией, а реальными, материально ощутимыми узами" (3). Тень этого заблуждения, как нетрудно заметить, падает из

прошлого и на современные представления семантики. А что, если вещи нет и никогда не было? Если имя принадлежит образу, родившемуся не от созерцания вещи, а по прихоти нашего воображения? Сознаем ли мы, произнося это имя, что оно не обозначает ровным счетом ничего, существующего в реальности? Вот тест, на котором каждый может сам проверить эту способность своего рассудка. Возьмем несколько имен из одного, хорошо всем известного ряда: ясновидение, телепатия, телекинез, левитация, биополе. Существует ли в реальности что-либо,

соответствующее этим именам?  
Пожалуй, даже скептик  
поостережется с ответом. Хотя  
никакого объективного свидетельства  
наличия подобных явлений нет, хотя  
все суждения о них вопиюще  
противоречивы и вызывают доверия  
к себе не больше, чем сказки о  
всемогущих волшебниках, о  
привидениях или оборотнях, тем не  
менее, мы не слишком доверяем  
своему рассудку и оставляем  
открытой дверь слепой вере. Ведь  
есть имена, и разве это не является,  
думаем мы, хотя бы косвенным  
подтверждением того, что есть и  
сами явления? Дикарь подобных



колебаний не испытывал. Он не сомневался, что достаточно назвать имя вещи, чтобы вызвать к жизни саму вещь. Наличие имени служило ему исчерпывающим доказательством наличия некоей стоящей за ним реальности. А далеко ли мы ушли от него в своих колебаниях? Какого бы лестного мнения о себе мы не были, все же надо признать, что и нам достаточно одного лишь имени явления, чтобы в нашей душе поселилась если не уверенность в его существовании, то хотя бы сомнение в том, что его нет.

Впрочем, этот пример сравнительно прост и прозрачен. Выяснить

реальность значения слова мы все же худо-бедно умеем. Гораздо сложнее задача выяснения истинности его смысла. Выражение "смысл слова" мы можем понимать как раз так, как это было определено выше, то есть как совокупность знаний и переживаний, ассоциируемых с данным словом. Как содержание образа, обозначаемого данным словом. Задача возникает, когда образ, именуемый словом, оказывается отражением действительного явления, но о самом этом явлении мы не знаем ничего (или почти ничего), кроме того, что оно реально существует. В этом

случае, стараясь понять его природу, но не находя ответов в нем самом, мы их просто придумываем, и эти придуманные ответы вкладываем в смысл его имени. Это тоже обычная для нас "форма познания". Но особенность ее состоит в том, что, даже открыв со временем истинный смысл слова или суждения, мы, как правило, готовы поставить под сомнение доводы самой реальности, лишь бы не дать ей лишить нас уютного мирка привычных заблуждений.

Иллюстрацией такого рода проблемы может служить длящийся веками бесплодный поиск ответа на так

называемый "основной вопрос философии".

Напомню, что существо этого вопроса сводится, в частности, к выяснению того, что является первичным: материя или дух? То есть, что из них чем порождается, а, следовательно, что из них является субстанцией. Здесь, разумеется, не место для подробного рассмотрения этого вопроса. Но надуманная суть его может быть раскрыта достаточно коротко.

Чтобы поставить этот вопрос, необходимо, очевидно, исходить из того, что объективная реальность

раскола на две отдельные и  
противолежащие друг другу сферы  
бытия - материальную и идеальную, -  
и что все, что принадлежит сфере  
материального - неидеально, а все,  
что принадлежит сфере идеального -  
нематериально. Именно из такого  
представления о реальности и  
возникает данный вопрос.

"Формулируя основной вопрос  
философии, диалектический  
материализм исходит из того, что  
понятия духовного и материального...  
образуют дихотомию, охватывающую  
все существующее, все возможное и  
мыслимое; любое явление всегда  
можно отнести к духовному или

материальному..." (3). Что следует  
разуметь под сферой материального  
бытия, пожалуй, понятно. Но чем  
представлена сфера бытия  
духовного? Какие "любые явления"  
можно отнести к ней, кроме  
человеческого сознания? А если она  
исчерпывается сознанием, то как же  
ее можно выделить из материальной  
сферы, не оторвав, не обособив  
сознание человека от самого  
человека? Оно и отрывается, и  
противопоставляется в рамках этого  
вопроса и человеку, и всей природе,  
субстанции, как нечто  
нематериальное, неприродное,  
нечеловеческое. Не умея объяснить

происхождения человеческого сознания, не понимая того, что оно собой представляет, философы наполнили его образ, дав ему имя "идеального", самыми фантастическими догадками и домыслами. А поскольку имя человеческого свойства (идеальное) напрямую связывалось с самим свойством (сознанием), а не с представлением о нем, и поскольку факт существования этого свойства, факт наличия у человека сознания, ни у кого не вызывал сомнений, постольку все надуманное содержание имени приобретало в их глазах ту же реальность, какую

имело и сознание. Но так как в действительном, материальном мире такое "идеальное" не находило никакого подтверждения, его и нельзя было не признать реальностью нематериальной. Так имя фантастического предмета - "нематериального идеального" - вызвало к жизни сам этот предмет и обусловило постановку "основного вопроса философии" - той несуществующей проблемы, в которой уже в незапамятные времена завязла философия и из которой она не может выбраться и по сей день.

Образ, возникающий в результате отражения реально существующего



оригинала, но наполненный фантастическим, придуманным содержанием, есть не более чем миф, который мы создаем для себя, когда не можем понять оригинала. Всякий миф - это заплатка на прорехе нашего знания. А этих прорех всегда гораздо больше, чем его неповрежденной основы. Беда, однако, не в том, что ткань нашего разума пестрит этими заплатами, что наше мышление насквозь мифологизировано, а в том, что мы никак не научимся отличать миф от истины. И этой слабостью в немалой степени обязаны слепой вере в то, что имена имеют "предметные значения".

Истину можно охарактеризовать как мысль или образ в нашем сознании, являющийся отражением реальности. А миф - это образ, созданный нашей фантазией. Сфера мифа - это сфера веры и искусства. Сфера истины - это сфера знания. Казалось бы, здесь уместно добавить: и сфера науки. Однако, как мы уже могли убедиться, и наука во многом строится на мифах. Более того, можно почти наверняка утверждать, что нет такой отрасли науки, которая не содержала бы в самом своем основании мифических представлений. Например, в физике это представления о массе, энергии,

спине, четности и др.

В самом деле, что такое "энергия"? Способность тела совершать работу? Но эта способность лишь говорит о наличии у тела энергии и ничего не сообщает о том, чем энергия является. Мы не знаем природы энергии и, вероятно, не будем знать, пока не поймем происхождения этого свойства материи, причины его существования. О ней, пожалуй, можно сказать только то, что И.Ньютон, а вслед за ним и Г.Лейбниц утверждали о силе притяжения: "...Я изъяснил небесные явления и приливы наших морей на основании силы тяготения, но я не

указывал причины самого тяготения. ...Причину... свойств силы тяготения я до сих пор не мог вывести из явлений, гипотез же я не измышляю" (4); мы "хотим обозначить этим словом не причину взаимного влечения тел друг к другу, а лишь само действие или само явление, ...какова бы ни была причина" (5). Но человеку, мыслящему менее критически, то и дело мнится, что если он понимает смысл слов, описывающих явление, то тем самым понимает и суть самого явления. И тогда он оказывается в плену мифа.

Подобным же образом не может истолковать свои фундаментальные

понятия математика ("число",  
"количество", "точка", "множество",  
"бесконечность"), биология  
("жизнь", "потребность"),  
психология ("личность", "воля")... Но  
более всего мифологизированы так  
называемые "общественные науки".  
Почти все их категории наполнены  
искусственным, воображаемым  
смыслом, никак не соотносящимся с  
реальностью. Таковы представления  
этих наук об "обществе", о  
"человеке", о "социальных  
отношениях", о "государстве",  
"власти", "собственности", "труде",  
"товаре" и проч., и проч. Некоторые

из них мы попробуем  
проанализировать ниже.

Однако, - может возникнуть вопрос, -  
так ли уж важно понимание  
истинного смысла этих категорий?  
Если они принадлежат только  
нашему воображению, то едва ли  
могут навредить реальной жизни. А  
если они хоть как-то согласуются с  
явлениями реальности, то и при  
ошибочном их истолковании мы  
всегда можем положиться на  
объективный характер этих явлений,  
на непреодолимую силу законов,  
управляющих их существованием,  
следовательно, нашей историей,

независимо от правильности наших суждений о них.

Один из самых выразительных ответов на этот вопрос дает нам пример истолкования понятия стоимости в учении К.Маркса.

Стоимость, по мнению Маркса, это застывший, кристаллизовавшийся в товаре труд. "Как стоимости, товары суть простые сгустки человеческого труда" (6). Как можно измерить стоимость? Казалось бы, сама история эволюции форм стоимости, прослеженная Марксом, отвечает на этот вопрос: стоимость всякого товара измеряется стоимостью

другого товара, взятого за эталон и мерную единицу. И Маркс этот ответ знает: "Стоимостной характер товара обнаруживается... в его собственном отношении к другому товару" (7). И, тем не менее, он избирает другое мерило. Если стоимость определяется количеством труда, то "количество самого труда измеряется его продолжительностью, рабочим временем, а рабочее время находит, в свою очередь, свой масштаб в определенных долях времени, каковы: час, день и т. д." (8). Но на чем основано это суждение? Что заставляет Маркса думать, что мерилom труда является его



продолжительность? Почему, скажем, не интенсивность или производительность? Почему за его единицу нельзя взять какое-то количество выпускаемой продукции (штуку, тонну, метр) или единицу энергетических затрат рабочей силы (джоуль, калорию)? Почему именно "час и день"? Вопрос этот повисает в воздухе. Маркс свой выбор ничем не объясняет. Он его просто постулирует. И в результате та логическая линия, которая была намечена им при анализе форм стоимости - где стоимость рассматривалась как мера обмениваемости товаров, - и которая

в своем развитии неизбежно привела бы его к признанию необходимости свободного рынка, частной собственности и т.п., резко обрывается и мысль Маркса внезапно устремляется в другом направлении, где стоимость выступает уже как мера продолжительности процесса труда.

Время - универсальная характеристика любого процесса. Оно - атрибут материи. Поэтому тот факт, что труд совершается во времени, означает лишь то, что он представляет собой некий реальный процесс, и не более того. При этом в одну и ту же единицу времени может,

очевидно, совершаться разное количество труда - в зависимости от его качества (уровня профессионализма) и интенсивности. Если бы можно было корректно определить "простой труд" и взять за единицу "количества труда" объем "простого труда", совершаемого за час или за день, то в этих единицах можно было бы, наверное, мерить и всякий другой труд. В сущности, нечто подобное как раз и происходит на рынке, где количество труда, содержащегося в каждом товаре, измеряется количеством труда в единице денежного товара, которое можно

рассматривать как эталонное количество "простого труда". Но и в этом случае мы измеряли бы труд все же не временем, а трудом же.

"Длина может быть измерена только длиной, емкость - емкостью, стоимость - стоимостью", - писал Д.Рикардо, полемизируя с Т.Мальтусом (9), а вместе с тем, нечаянно, и с Марксом. Мерить стоимость в часах и днях - все равно, что мерить время в товарных единицах, в сюртуках, аршинах холста или их "всеобщем эквиваленте" - в фунтах стерлингов, марках, пиастрах. Из этой ошибки, не понятой, не замеченной Марксом

(подчеркнем: именно из нее, из "временной", а не из "трудовой" теории стоимости, как это многим видится), выросла, как из малого зерна, и теория "прибавочной стоимости", и теория "капиталистической эксплуатации", "классовой борьбы", "диктатуры пролетариата", словом, все революционное содержание марксистского учения, обезобразившее историю человечества в XX веке и отнявшего этот век у России.

Такова цена неверного истолкования "отвлеченного", "абстрактного", имеющего, казалось бы, лишь

"теоретическое значение" понятия.  
Не таким ли ошибкам приносит  
Россия в жертву и последнее  
десятилетие века?

А стоимось, между тем, так и  
остается категорией, не имеющей  
сколько-нибудь внятного  
определения.

\* \* \*

Посмотрим теперь, много ли истины  
в некоторых других словах, с  
помощью которых мы пытаемся  
объяснить себе причины нынешних  
проблем и выразить свое мнение о  
способах их решения.

# **МИФ О СОБСТВЕННОСТИ**

Собственность, как известно, представляет собой общественное отношение. То есть собственностью является не вещь и не отношение человека к вещи, объекту собственности, а его отношение к другому человеку, к любому другому человеку, и в его лице - к обществу в целом. Заключается это отношение в том, что данный человек получает со стороны общества признание (гласное, формальное или по умолчанию) своего исключительного

права на присвоение и потребление конкретного объекта собственности.

Отношение собственности не является изобретением человеческого ума. Оно возникает стихийно в тот период, когда происходит еще только становление общества. И поначалу люди усваивают правила этого отношения бессознательно, не отдавая себе отчета в том, что их коллективное существование строится по этим правилам. Иначе говоря, отношение собственности объективно. Оно остается объективным, то есть реализующимся в общественной среде помимо и независимо от



сознания людей, и в наши дни. В нем выражаются такие же естественные законы общественного существования, какими для биологических объектов являются, например, законы метаболизма или эволюции, а для физических тел - законы механики или термодинамики.

Будучи осознано людьми, это отношение создает право собственности. Право - это не само отношение, а результат его отражения в человеческом сознании. Между тем и другим примерно такая же разница, как, скажем, между движением небесных тел и

теоретическими законами, описывающими их движение. Такими же "теоретическими законами", описывающими поведение собственника (тем самым и предписывающими ему определенное поведение) являются и юридические нормы, в совокупности образующие институт права собственности.

Как и всякое представление человека об объективном явлении, юридическое представление об отношении собственности может быть и истинным, и ложным. В той мере, в какой оно истинно, это представление позволяет человеку

действовать в согласии с  
объективными законами  
общественного бытия и достигать  
цели, ради которой он вступает в  
отношения собственности с другими  
людьми - цели удовлетворения своих  
потребностей в разнообразных  
благах, - не причиняя ущерба ни себе,  
ни этим людям. В той мере, в какой  
оно ложно, это представление  
воплощается в юридические законы,  
вступающие в конфликт с  
объективным течением  
общественной жизни, в законы,  
исполнение которых противоречит  
интересам людей. Ошибочный  
юридический закон, конечно, не

может преодолеть силы объективного закона, тем более заменить его собой. Люди все равно руководствуются в своем поведении соображениями выгоды, этим естественным критерием целесообразности социального поведения, а не формальными предписаниями юридического закона. Но поскольку они вынуждены подчиняться и этому закону, он становится фактором, сковывающим материальное развитие общества.

Противоречие требований этих двух законов - объективного и умозрительного, выраженного в

норме права, - поскольку оно накладывается на поведение человека, в конечном счете всегда разрешается в пользу объективного закона за счет пересмотра и замены ошибочного юридического правила. Это противоречие является одной из причин эволюции общества. История человечества есть история восхождения от полузвериной дикости к естественному для человека - только для человека - порядку отношений, в основе чего лежит, в частности, приращение меры истинности в представлениях людей об этом порядке. Поэтому можно сказать, что процесс

совершенствования системы права  
есть процесс исторического  
приспособления человека к самому  
себе, к данному природой своему  
уникальному естеству.

Попробуем же понять, насколько  
соответствует объективному порядку  
вещей современное право  
собственности.

Принято считать, что право  
собственности реализуется через три  
правомочия собственника: владение,  
распоряжение и пользование. Что  
это за правомочия? В литературе им  
дается много разных определений.  
Не углубляясь в специальный анализ,

ограничимся и в данном случае ссылкой на источник, пусть не самый авторитетный, но все же достаточно представительный - на юридический энциклопедический словарь. Вот определения этих правомочий, содержащиеся в нем. "Владение - фактическое обладание вещью, создающее для обладателя возможность непосредственного воздействия на вещь"; "Распоряжение... - одно из правомочий, принадлежащих собственнику вещи... В силу права распоряжения собственник... включает имущество в экономический оборот путем

совершения таких распорядительных сделок, как купля-продажа, поставка, дарение, наем имущественный и др."; "Пользование - одно из основных правомочий собственника... Заключается в праве потребления вещи в зависимости от ее назначения (эксплуатация имущества, получение плодов и доходов, приносимых им, и т.п.)" (10).

Что можно понять из этих определений? Пожалуй, только то, что, во-первых, между этими правомочиями нет никакого различия. Действительно, что такое "потребление вещи" (т.е.



пользование), как не  
"непосредственное воздействие" на  
нее (т.е. владение)? Разве  
"эксплуатация имущества" (т.е.  
пользование) не означает включение  
этого имущества в "экономический  
оборот" (распоряжение), а "продажа"  
имущества (распоряжение) -  
"получение доходов" от него  
(пользование)? И что такое  
"дарение" (распоряжение) как не акт  
"фактического обладания"  
(владение)? Из этого следует, во-  
вторых, что названия этих  
правомочий можно произвольно  
поменять местами (например,  
"владение" назвать "пользованием", а

"пользование" - "распоряжением") и от этого ровным счетом ничего не изменится в представлении о них. Иначе говоря, их содержание можно "переливать" из одного в другое и как угодно смешивать без всякого для них ущерба. Наконец, в-третьих, где же здесь общество? Где здесь собственность как "общественное отношение", как "отношение индивидов друг к другу" (11), а не к вещам? В них мы видим указание лишь на связь человека с вещью ("непосредственное воздействие", "потребление"), другие же люди остаются в тени и фигурируют только намеком, как предполагаемые

партнеры в "сделках купли-продажи" или "дарения".

Все это дает повод заключить, что названные правомочия не имеют ничего общего с реальным отношением собственности. Их содержание искусственно, надуманно, фальшиво. Они - миф, причем миф неряшливый, корявый, даже эстетически неприглядный, миф, которым можно удовлетвориться в общении с вещами, но который непригоден и даже опасен в предметном общении с людьми.

Так может быть и нет никаких правомочий собственника? Может быть они выдуманы, нафантазированы теоретиками и право собственности в действительности "неделимо" на правомочия?

Как ни странно, но они верно угаданы теорией в природе собственности, и дело остается лишь за тем, чтобы понять их истинный смысл. А это, в сущности, совсем не сложно.

Всякий собственник обладает правом пользования. Это право заключается

в том, что он может делать с объектом собственности все, что ему заблагорассудится. Он может "непосредственно воздействовать" на него, а может и опосредованно, может "включать его в экономический оборот", а может и изымать из оборота, может "потреблять в зависимости от назначения", а может потреблять и вопреки его назначению или не потреблять вовсе. Единственное условие, ограничивающее это право, сводится к тому, чтобы избираемый им способ пользования объектом не причинил вреда другим людям. Но это естественное ограничение,

касающееся любой деятельности человека. Таким образом, этому праву мы можем дать следующее определение: пользование - это право на извлечение из объекта собственности полезных с точки зрения собственника свойств.

Заметим, что пользование представляет собой ту форму деятельности субъекта, которая присуща и животным. В пользовании человек остается наедине с вещью. И если бы собственность сводилась только к пользованию, то она не могла бы существовать в виде права и не могла бы характеризовать человеческие отношения в их

отличии от отношений биологических. Правом собственности становится лишь постольку, поскольку включает в себя и две другие функции. Одна из них - распоряжение.

Власть собственника над вещью состоит не только в том, что он сам волен поступать с нею по своему усмотрению. Он может доверить пользование ею и другому человеку. Причины такого решения могут быть разными. Использование вещи может требовать особой квалификации, которой сам собственник может и не обладать. Он может просто не захотеть ею пользоваться, поскольку

пользование всегда сопряжено с затратами сил и времени. В любом случае всякий собственник решает для себя, будет ли он пользоваться объектом своей собственности сам или отдаст его в пользование другому; если отдаст, то кому именно и на каких условиях. Подчеркнем: право принимать решения по этим вопросам принадлежит собственнику и только собственнику. Никто другой не может диктовать ему, как поступить, ибо иное означало бы утрату собственником права собственности. Оставаясь же носителем этого права, он так же свободен в своем выборе, как



свободен в праве пользования вещью. Однако это решение касается уже не выбора способа пользования, а выбора пользователя. Право такого выбора - это и есть право распоряжения, принадлежащее собственнику. Так, хозяин магазина может сам стоять за прилавком (в этом случае он и будет пользователем, как если бы в качестве собственника он назначил пользователем самого себя), но может нанять продавцов, передав им право пользования своим имуществом (торговым помещением, оборудованием и проч.) и оговорив условия работы, вознаграждение и

объем ответственности перед ним. В этом случае он принимает на себя роль распорядителя.

Как видим, между правами пользования и распоряжения имеется отчетливое различие. С вещами распорядитель дела не имеет. Объект его внимания - люди и только люди. Можно сказать, что пользование - это право (и умение) обращения с вещами, а распоряжение - это право (и искусство) "обращения" с людьми. Поэтому содержание последнего можно выразить следующим образом: распоряжение - это право

определения субъекта и формы пользования.

Однако хозяин магазина может вовсе не заниматься торговлей, если найдет толкового организатора и поставит его директором. В этом случае распорядителем становится этот директор. Ему дается право нанимать персонал, то есть пользователей, и контролировать их работу. Но кто именно будет этим директором, насколько широки будут его полномочия, какова будет мера его ответственности перед собственником - эти и все остальные условия передачи права распоряжения другому лицу также

определяются собственником. Возможность обособления от себя и распорядительной функции составляет суть последнего права собственника - права владения. Таким образом, владение - это право определения субъекта и формы распоряжения.

Итак, мы определили все три правомочия собственника. Как видим, они представляют собой именно общественные отношения, то есть отношения между людьми по поводу вещей, а не отношения между людьми и вещами. Кроме того, нетрудно заметить, что они находятся в иерархической

зависимости одно от другого: право владения порождает право распоряжения, которое в свою очередь создает право пользования. Наконец, выясняется, что два из них - распоряжение и пользование - являются отчуждаемыми от собственника, точнее, самоотчуждаемыми им от себя, а третье - владение - нет.

Обратим внимание на эту последнюю особенность правомочий собственника, на их отчуждаемость.

Чтобы воспользоваться благом, которое включает в себе объект собственности, это благо, как

правило, надо еще уметь извлечь из него. Даже простое яйцо нужно разбить и зажарить, чтобы получить желаемую яичницу. Процесс извлечения блага есть не что иное, как труд. Всякий труд представляет собой пользование объектом собственности, а если этот объект требует приложения сил более чем одного человека, то труд включает в себя и управление процессом пользования, то есть распоряжение. Поэтому отчуждение правомочий распоряжения и пользования является для собственника средством отчуждения труда, который он сам не хочет или не может совершать, но

который необходимо затратить, чтобы придать объекту желаемую потребительную форму. Этот труд создает и потребительную, и меновую стоимость объекта собственности. Поскольку он, в частности, является конкретным трудом, то есть качественно меняющимся в зависимости от объекта своего приложения, постольку он требует наличия у пользователей и распорядителей необходимой квалификации. С учетом этого мы можем назвать пользование и распоряжение квалифицированными правомочиями собственника. Перепоручая их

другим людям, собственник тем самым избавляет себя от бремени личного квалифицированного труда, в то же время вменяя этот труд в обязанность тех, на кого он возлагает свои правомочия.

Впрочем, собственник никогда бы не отдал ни крупицы своих прав другим, если бы из-за этого должен был бы лишиться хотя бы части своей собственности. Он пользуется возможностью отчуждения своих квалифицированных прав только потому, что сохраняет за собой право владения, позволяющее ему присваивать весь продукт труда распорядителей и пользователей.



Осуществление этого права не требует от него никакой квалификации и никаких затрат личных усилий. И от него собственник не может отказаться, ибо в нем-то и заключается для него вся прелесть права собственности. Поэтому владение иначе можно определить как право на присвоение всей суммы благ, извлекаемых из объекта собственности за счет распоряжения и пользования. А поскольку эти блага имеют стоимостное выражение, то есть поскольку они представляют собой вновь совершенный "кристаллизованный" труд

распорядителей и пользователей, постольку владение можно понимать и как право на присвоение вновь созданной стоимости объекта собственности или совокупного труда распорядителей и пользователей.

Мы видим, что отношение собственности, объектом которого является товар, воспроизводит в себе двойственную природу самого товара. Собственность распадается на "конкретную собственность", выражающуюся в двух квалифицированных правомочиях собственника, распоряжении и пользовании, создающих товарную, в

том числе и "потребительную ценность" собственности, и "абстрактную собственность", представленную неквалифицированным правом владения, образующим ее "меновую ценность".

В этом месте следует уточнить: является ли право владения правом на присвоение всей суммы стоимости, созданной трудом распорядителей и пользователей, или только части ее, за вычетом вознаграждения за этот труд? Но на этот вопрос классическая теория политической экономии уже давно дала ответ. Вознаграждение "за труд"

на самом деле является ценой рабочей силы, которая всегда меньше цены результата труда. В разнице этих цен и заключается потребительная ценность рабочей силы. Другими словами, если собственник покупает рабочую силу распорядителей и пользователей, то он не только не теряет, но напротив, выигрывает в объеме присваиваемого им блага. И это благо, извлекаемое из объекта собственности, представлено ли оно в натуральном или денежном выражении, он присваивает себе целиком, без какого-либо изъятия. А затем, именно как собственник всей его

массы, он получает возможность использовать его на воспроизводство его источника. Например, закупать необходимое оборудование, сырье и рабочую силу. Вознаграждение наемных работников, хотя оно и выплачивается из стоимости произведенного ими блага, не создает для них права собственности на это благо или его часть. Все ими созданное полностью поступает во владение собственника. И только собственник решает, какую его долю и в какой форме - в виде ли твердой ставки заработной платы или в виде процента от прибыли - предназначить на вознаграждение

работников, демонстрируя тем самым свою власть над всем его объемом. Но и выплачивая вознаграждение, он не расстаётся ни с частицей присвоенной стоимости, ибо взамен своих денег он получает равную им по стоимости рабочую силу, которую в следующем цикле производства блага вновь превращает в звонкую монету.

Этот вывод - о том, что владение подразумевает право на присвоение собственником всей массы блага, создаваемого трудом наемных распорядителей и пользователей, - стоит запомнить, поскольку вскоре он нам понадобится.

Как видим, между действительным отношением собственности и тем представлением о нем, которое свойственно нашей науке и выражено, в частности в приведенных выше определениях юридического энциклопедического словаря, нет почти ничего общего. Между тем, эти "научные" представления составляют основу юридического истолкования права собственности, образуют содержание законов, регулирующих отношения людей, отчего страдают уже и законы, отчего они получаются такими же вздорными, невразумительными и

противоречивыми, как и эти представления.

Обратимся к Гражданскому кодексу. В нем утверждается, что "собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом", и что при этом он вправе по своему усмотрению "передавать другим лицам права владения, пользования и распоряжения имуществом, оставаясь собственником". (Ст. 209 ГК РФ). Можно ли тут что-нибудь понять? Как можно остаться собственником, лишившись всех прав собственника? Что вообще авторы этого закона имели в виду под



"собственностью", если для них она может являться правом без каких-либо правомочий, правом, оборачивающимся прахом? А сами правомочия, - какой смысл вкладывали авторы этого пассажа в них? Зачем собственнику отдавать по доброй воле право владения, теряя возможность управлять распоряжением и пользованием, присваивать выгоду от употребления своего имущества?

Впрочем, это, конечно, риторические вопросы. Гражданский кодекс, призванный быть "Библией собственника", всем своим содержанием, а не только

содержанием этого частного фрагмента, свидетельствует о том, что его авторы, равно как и законодатели, принявшие его, не имели никакого представления об объективном отношении собственности, что их взгляды, отраженные в нем, являются не более чем плодом их творческой фантазии, то есть мифом, состоящим в противоречии с естественным порядком вещей. Но этот миф управляет поведением людей, господствует над реальным течением их жизни и, тем самым, создает тот мир мифической реальности, в

котором нам всем приходится пребывать.

И это далеко не единственный миф, связанный с собственностью.

До сих пор мы вели речь о единичном собственнике. То есть под собственником мы подразумевали отдельного человека. А может ли у вещи быть сразу два или большее число собственников? Теория - и экономическая, и юридическая - на этот вопрос отвечает, как известно, утвердительно. И этим ответом создает еще один миф.

В самом деле, допустим, что некоторый объект в одно и то же время находится в собственности двух лиц, А и В. Кого из них следует признать субъектом присвоения блага, приносимого объектом, например, прибыли? Субъекта А? Но тогда В не является владельцем, а следовательно, и собственником объекта, что противоречит исходному условию. Кажется логичным предположить, что они должны делить эту прибыль между собой в каких-то долях, например, пополам. Но тогда каждый из них оказывается владельцем только половины объекта. А половина объекта так же

отличается от объекта в целом, как "половина" любого из этих собственников от "целого" собственника. Владеть половиной - значит не владеть целым и, следовательно, у этого объекта, взятого в целом, двух собственников быть не может. Даже если объект делим.

А кто из них должен обладать правами распоряжения и пользования? Оба они одновременно? Но тогда между ними возможен конфликт намерений, разрешение которого в пользу кого-то одного продемонстрирует, кто из них является действительным

собственником, а кто - мнимым. И в этом случае, опять же, останется только один собственник.

Предвидя возможность такого конфликта, они, очевидно, должны заранее договориться о способе его улаживания. Например, договориться о том, что решения относительно распоряжения и пользования они принимают только по согласованию друг с другом. Но и тогда складывается ситуация, при которой каждый из них в своем решении вынужден руководствоваться волей другого. Однако собственник вещи тем как раз и отличается от несобственника, что в своих

решениях по поводу вещи совершенно свободен и независим от посторонней воли. Отсюда следует, что даже в случае полного совпадения намерений наших субъектов ни одного из них считать собственником нельзя.

Совместить здоровое представление о собственности с представлением о возможности существования двух и более сособственников без ущерба для рассудка невозможно даже формально. Два собственника у одного объекта - это такая же очевидная нелепость, как два водителя за рулем одного автомобиля.

Но как же тогда относиться к идее о "плюрализме форм собственности", о существовании "коллективных собственников" - "юридических лиц"? Ответ напрашивается сам собой: как к бессмыслице, к абсурду, возведенному в ранг закона.

Понятно, что закон, противоречащий реальным отношениям людей, не может не содержать противоречий и в самом себе. И он их содержит, в чем легко убедиться. Присмотримся, что представляет собой какой-либо из коллективных собственников, например, акционерное общество.



Как известно, уставный капитал акционерного общества образуется за счет вкладов его учредителей и участников - акционеров. Кто является собственником этого капитала? Признать право собственности на него за акционерами - значит положить в основу построения данного общества тот абсурдный принцип "сособственности", с которым мы уже познакомились и который парализовал бы какую-либо его деятельность. Поэтому закон провозглашает таким собственником само общество как единичное юридическое лицо: "Имущество,

созданное за счет вкладов  
учредителей (участников), а также  
произведенное и приобретенное...  
обществом в процессе его  
деятельности, принадлежит ему на  
праве собственности" (ГК РФ, ст.  
66). А какое право на это имущество  
остается у учредителей? Никакое.  
Они полностью утрачивают вещные  
права на свои вклады (ст. 48). Иначе  
говоря, процесс создания  
акционерного общества заключается  
в том, что его основатели,  
подписывая устав или  
учредительный договор, совершают  
акт дарения юридическому лицу  
своих денег, прав и иных ценностей.

С момента регистрации юридического лица их владение своими вкладами прекращается (ст. 235 и др.). Они становятся такими же не собственниками имущества этого лица, как и любые другие граждане, не принимавшие в его создании никакого участия. С этого момента собственником имущества выступает акционерное общество.

Но что это за субъект хозяйственной деятельности? Существует ли он в реальности? Ответ очевиден. "Юридическое лицо" - фигура умозрительная. Мир его пребывания - это мир человеческого воображения. В реальном мире его

нет. А значит, наделяя его правами собственности, более того, едва ли не всеми гражданскими правами, за исключением разве что избирательного права (ст. 48, 49 и др.), закон "материализует" абстракцию. Благодаря закону эта абстракция обретает плоть и кровь, становится таким же субъектом гражданских отношений, как и всякий живой человек.

Чем не история поручика Киже! Чем не повесть об ожившем носе коллежского асессора Ковалева!

Сделать собственником своих сбережений юридическое лицо - все

равно, что отдать их в собственность любому воображаемому персонажу: лешему, водяному, Кощею Бессмертному. Или Остапу Бендеру. Но если сделать такой подарок "гражданину Остапу Бендеру" закон не позволяет (ст. 236), то одарить подобным образом "акционерное общество "О.Бендер"" может всякий. Закон признает правомочность такого дарения.

Однако такой сказочный субъект по причине своей природной недееспособности не в состоянии, конечно, самостоятельно участвовать в гражданских правоотношениях. И тут его творец - закон - вновь

приходит к нему на помощь, реанимируя права несобственников-акционеров. Он дает акционерам возможность управлять имуществом общества и присваивать получаемый в результате этого управления доход (ст. 67 и др.).

Если руководствоваться буквой того же закона, то для акционеров имущество общества - это чужое имущество. Никаких прав на него или на управление им у них нет. Присвоение же чужого имущества, да еще совершаемое организованной группой (общим собранием акционеров), по предварительному сговору (уставу), неоднократно и в

крупном размере - это уже деяние, по всем признакам подпадающее под действие статьи совсем другого, не гражданского, кодекса. Но закон вынужден мириться с такого рода противоречиями, ибо иначе, без соблазна воспользоваться плодами чужой собственности, акционеры не расстались бы со своей, не отдали бы бумаги, на которых написано "банковский билет" и которые обязательны к приему на всей территории страны, в обмен на бумаги с надписью "акция", равным счетом никого и ни к чему не обязывающие; ибо иначе невозможно было бы правовое существование

коллективных собственников -  
юридических лиц.

По логике здравого смысла сумма нулей равна нулю. По логике закона сумма несобственников (акционеров) создает собственника. Но такая логика не только сама лишена здравого смысла, но лишает его и текст закона. В итоге все содержание второго раздела Гражданского кодекса ("Право собственности и другие вещные права"), и без того скроенное почти что из одних натяжек и противоречий, оказывается, по сути дела, в неразрешимом конфликте с содержанием первого раздела



("Общие положения"), в  
особенности, главы 4  
("Юридические лица").

Мысль о том, что в природе общества  
нет никаких "коллективных  
собственников", никаких  
"юридических лиц", и что поэтому  
их не должно быть и в законах  
частного права, коль скоро мы хотим,  
чтобы эти законы были не из пальца  
высосаны, а являлись отражением  
естественных законов общественного  
бытия, - эта мысль может показаться  
слишком парадоксальной и  
необычной, чтобы с ней было бы  
легко согласиться. Но нельзя не  
согласиться с тем, что опасна не

парадоксальная идея, а идея ошибочная. Юридическое признание фиктивных собственников вредит экономике любой страны. В странах с устойчивыми рыночными традициями население научилось с крайней осторожностью относиться к любым "долевым ценным бумагам" и предпочитает совершать операции с ними через профессиональных посредников. Эта осторожность позволяет свести к минимуму ущерб от обращения таких бумаг. В России же появление разного рода обществ, товариществ, инвестиционных фондов (AVVA, OLBI, и тысяч других) разорило миллионы граждан, не

понимавших их природы и очарованных магией слова "дивиденд", разорило без какого-либо прироста экономике страны, напротив, способствуя ее обвалу. Огромные суммы реальных денег, отданные воображаемым собственникам, растаяли как пар, как сами эти собственники. Вот реальные последствия и реальная цена слепой веры в миф о коллективной собственности.

Но значит ли это, что не существует формы объединения, аккумуляции средств граждан для ведения совместной хозяйственной деятельности? Разумеется, не значит!

Парадокс закона возникает не из того, что он позволяет гражданам соединить свои средства, а из того, что он оговаривает такое соединение необъяснимым условием отказа от права собственности на свои взносы, вручая это право по столь же необъяснимой логике фантастическому "юридическому лицу". Достаточно устранить это противоестественное условие, чтобы закон вошел в гармонию с естественным порядком общественного устройства.

В этом случае люди по-прежнему могли бы иметь возможность объединять свои капиталы. Но,

объединяя их, они не перестали бы быть их собственниками. Они остались бы полноценными собственниками своих вкладов в имущество юридического лица. Само же это лицо лишилось бы титула собственника. Его правомочия были бы ограничены теми, которые собственник способен без ущерба для себя отчуждать вместе с капиталом - квалифицированными правомочиями распоряжения и пользования.

Ничто не мешает собственникам, объединив свои ресурсы, договориться между собой о том, кому они могли бы доверить

управление ими и нанять этих людей. Пусть даже их союз будет именоваться "акционерным обществом", и сами они - "акционерами", - не в названии суть. А в том, что при таком способе их организации "физические лица", участники общества, поменяются ролями с "юридическим лицом", под которым это общество регистрируется: они примут на себя роль собственников, юридическое же лицо станет тем, кем акционеры являются в настоящее время - несобственником. Именно эта роль и подчинит его воле собственников, своих "акционеров", вследствие чего

порядок управления "обществом" придет в соответствие с требованием отношения собственности:

несобственник не может принимать решения за собственника. А право собственности получит, наконец, не абстрактного, а реального носителя, коим будет живой, конкретный человек.

Осуществление таких перемен потребует глубокой реформы всего свода частного права. И это будет не формальная реформа, а обновление его по существу. Одним из важнейших элементов обновленного свода норм будет признание за "акционерами" ("пайщиками") права

на свободное изъятие своего вклада, своей собственности из имущества "общества". Такое право включает в себе самую надежную и действенную гарантию эффективности и честности работы наемного персонала "общества". Так, если хотя бы один "акционер", не удовлетворенный результатами деятельности "общества", захочет забрать свой вклад (естественно, вместе с доходом, который он принес), за ним, скорее всего, последуют и другие. В этом случае "общество" прекратит свое существование, что для его персонала будет означать потерю



рабочих мест, источника средств к жизни, а для дирекции вдобавок к тому и потерю репутации. Вряд ли в такой ситуации дирекция "акционерного общества" с легкой душой и не оглядываясь на "акционеров" решится тратить средства "общества" на помпезную отделку офисов, на строительство дач, квартир для членов правления, на приобретение дорогих автомобилей, произведений искусства, на чрезмерные представительские расходы, словом, на то, что хорошо и приятно для нее, дирекции, но не сулит прибыли собственникам.

Мотовство и воровство - это неотъемлемый признак той формы постановки дела, при которой собственник - воображаемый, администрация - полномочна и безответственна, а инвестор - несобственник. При перемене ролей собственности неизбежно изменится и характер деятельности "общества": чем более реальным станет собственник, тем более эффективной станет деятельность наемного персонала. Едва ли в экономике, воспринявшей этот принцип, сохранилось бы такое количество "мертвых", убыточных, фиктивных, подставных, мошеннических

"юридических лиц", с каким мы имеем дело в настоящее время.

Вместе с тем - стоит отметить - возможность изъятия своего вклада послужила бы и гарантией ответственности инвесторов. Ибо в случае убытка им некого было бы винить, кроме самих себя.

Итак, мы приходим к следующему заключению.

Собственность - это объективное общественное отношение и поэтому его субъектом не может быть воображаемое лицо. Следовательно, таких лиц не должно быть и в

правовом институте собственности, отражающем это объективное отношение. В противном случае такой институт вырождается в свод правил, регламентирующих не более чем вообразяемые отношения людей. В то же время собственник вправе передать свои отчуждаемые правомочия хотя бы и абстрактному персонажу. Само отношение собственности от этого не страдает, поскольку сохраняется его реальный носитель - человек. Последствия же такого отчуждения принадлежат к суверенной компетенции собственника, как и последствия любых иных его решений.

Представим себе некое  
деспотическое государство под  
властью слепого правителя.

Представим, что этот правитель, не  
знающий света, но заботящийся о  
благее подданных, считая и их  
незрячими, ввел бы порядок, в  
соответствии с которым все уличные  
надписи следовало бы делать только  
рельефным способом и располагать  
их не выше уровня поднятой руки,  
запретил бы движение транспорта  
без сирены и со скоростью выше  
скорости пешехода, погасил бы  
ночное освещение, закрыл музеи и  
театры как мошеннические  
учреждения, упразднил декретом

смену суточных периодов, фаз Луны и т.д. Конечно, от этого жители страны не перестали бы пользоваться зрением, но, оставаясь правопослушными гражданами, вынуждены были бы соблюдать бессмысленные предписания правителя. Примерно так обстоит дело и в экономике, находящейся во власти слепого закона.

\* \* \*

Выше шла речь о всяком "коллективном собственнике", о всяком "юридическом лице". Но есть

"лицо", заслуживающее особого внимания. Это - государство.

Роль собственника для государства настолько же противоестественно и фантастична, как и для названных "лиц". Все, сказанное о них, в полной мере может быть отнесено и к государству. Однако некоторые обстоятельства делают миф о государственной собственности наиболее опасным заблуждением.

Источником всякого богатства, как известно, является труд. Труд не абстрактных "лиц", конечно, а живых, реальных людей. Именно их трудом создается вся масса благ,

которые затем перераспределяются между тремя собственниками: частным ("физическим") лицом, "юридическим лицом" и государством. Таким образом, и у реального, и у мифических собственников один источник собственности - живой труд конкретного человека.

Но способы присвоения продуктов труда последними субъектами существенно разнятся.

Ничто не обязывает человека быть членом какого-нибудь общества или товарищества. Решение на этот счет принимает он сам. И сам определяет,



какую часть своего имущества пожертвует ему, отказавшись от права собственности на нее. Кроме того, хотя и вопреки логике, взамен этой жертвы он вознаграждается по воле закона некоторыми "обязательственными правами", имеющими более или менее конкретный характер. Так, он получает право на участие в распределении прибыли "юридического лица", на приобретение в случае его ликвидации части его имущества и т.п. (ст. 67 и др. ГК РФ).

Иначе складываются отношения человека с государством.

Права на решение о своем участии в "товариществе", именуемом "Государством", у человека нет. За него решает государство. И оно зачисляет в "пайщики" этого "товарищества" все дееспособное население страны. Выйти из его состава человек не может, даже ценой отказа от гражданства. Государство же посредством введения налоговых тарифов определяет размер "взносов" граждан, которые они обязаны вносить регулярно и за которые должны отчитываться перед ним. Уклонение от платежей оно расценивает как преступление,

подлежащее уголовному наказанию. При этом совершенные платежи не создают у государства никаких обязанностей перед плательщиками, а у плательщика - никаких прав перед государством. Гражданские и иные права человека, декларируемые законом, с его платежами никак не связываются.

Мы уже знаем, что у одного объекта не может быть двух собственников одновременно. Кто же из них - гражданин или государство - является действительным собственником самого источника собственности - человеческого труда? Учитывая сказанное, ответить

на этот вопрос совсем не сложно. Только собственник может диктовать условия распределения своего имущества и приобретения прав на него другими лицами. Только собственник волен определять размеры отчуждения. И этим признакам отвечает только государство.

Отсюда следует вывод: в условиях государственной собственности труд человека, а, следовательно, стоимость всего, им произведенного, является достоянием не самого человека, а государства.

Лишь наивностью можно оправдать веру в утверждение Гражданского кодекса, что "право собственности на плоды, продукцию, доходы, полученные в результате использования имущества, приобретаются лицом, использующим это имущество на законном основании" (ст. 218, 136). Этот тезис - один из многих примеров облачения ложного представления в норму права. Не говоря уже о нелепости того, будто пользование может создавать право собственности (наемный работник не становится собственником своего продукта, хотя пользуется при его

создании имуществом хозяина на законном основании), он опровергается реальной жизнью, подчиненной другим законам, защищающим права действительного собственника. Произведя плоды и получив доходы, человек должен отдать государству ту их часть, какую пожелает государство. Он должен заплатить налоги. В противном случае государство оставляет за собой право отнять у него не только продукт его труда, но и свободу. Оно, посредством декларации своего права, наглядно демонстрирует ему, кто является настоящим собственником его продукта. И

только при условии исполнения человеком своей повинности, только после расчета с государством, он может считать себя собственником той доли "плодов и доходов", которая у него останется.

Правомочие государства, которое оно реализует в форме налогообложения граждан и "юридических лиц", есть не что иное, как правомочие владения. Поэтому следует признать, что основанием для приобретения гражданином права собственности на что бы то ни было, то есть права частной собственности, является вовсе не его труд, а воля владельца его труда - государства. Не стоит

обманывать себя иллюзией, будто хоть часть своего труда человек может присвоить без ведома и согласия государства, не нарушив при этом закон. Выше мы специально отметили то обстоятельство, что владельцу принадлежит вся сумма благ, заключающихся в объекте собственности. Этим объектом в данном случае является труд человека в его конечном - товарном или нетоварном - выражении. Поэтому во владении государства находится весь объем труда, совершаемого в обществе, а не только изымаемая его часть, весь



общественный труд без остатка.  
Будучи же его владельцем,  
государство вправе передать права  
распоряжения и пользования  
некоторыми продуктами труда (по  
собственному выбору) тем или иным  
лицам - гражданам, учреждениям,  
организациям, - очертив круг их  
полномочий и ответственности.  
Именно так оно и поступает. Но оно  
может и отказаться от права  
владения, а, следовательно, и от  
права собственности на часть своего  
имущества в пользу граждан,  
"товариществ", "обществ" и т.п. За  
счет этого и возникает право и

"частной", и "коллективной" собственности.

Таким образом, в обществе, признающим государственную собственность, право частной собственности является вторичным и производным от государственной. Иного основания, кроме государственной собственности, оно не имеет. Его содержание, приобретение и отчуждение, допустимые размеры, формы пользования им - все это и все иное, что с ним связано, находится в ведении и под контролем государства. Оно существует только с санкции государства как

самоотчужденная им доля государственной собственности, приобретаемая обществом на условиях, диктуемых опять же государством.

Не сознавая этого, можно, конечно, верить в "плюрализм форм собственности", в их "равноправие", в то, что "в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом государственная, частная, муниципальная и иные формы собственности" (Конституция РФ, ст. 8). Однако реальная цена этой веры не больше, чем веры в бабушкины сказки. Является ли подросток собственником карманных денег,

полученных от отца? Конечно. Но лишь постольку и до тех пор, поскольку и пока отец согласен считать его их собственником. Право подростка призрачно, условно, и если оно и защищено от посягательств со стороны других подростков (в том числе защищено и законом), то ничем не защищено от отцовского произвола.

Таким же, как этот подросток, собственником является и всякий частный собственник, всякий человек, независимо от величины его богатства. С той, впрочем, существенной оговоркой, что все, приобретаемое им от государства,

равно как и все, оставляемое государством себе, создается трудом этого человека.

"Но ведь это же режим собственности тоталитарного государства, - можно на это заметить, - это портрет социализма, то есть того строя, который мы, как принято считать, разрушили. Если данная картина верна, то чего мы достигли в ходе реформ? Стоило ли их вообще затевать?"

Конечно, следует признать, что первооснова тоталитаризма - институт государственной собственности - осталась

незатронутой реформами. Следует также набраться мужества и признать, что и сами реформы осуществлялись без понимания объективной сути общественных отношений, сути стоящих перед ними задач, на основе ложных, мифических представлений, одним словом, вслепую. И, тем не менее, смысл в них был.

В советские времена отношение государства к гражданину сводилось к формуле, которую от лица государства можно было бы выразить следующим образом: "Мне, государству, принадлежит все, что ты, гражданин, создаешь своим

трудом. Я отбираю у тебя весь твой труд. А взамен обещаю обеспечить тебе хотя и скромный, но твердый прожиточный минимум.

Соответствующая ему "потребительская корзина" и будет твоей личной собственностью".

Когда оказалось, что государство уже не в состоянии выполнять свое обещание, советский строй рухнул. И на смену ему в ходе реформ пришел новый порядок отношений, укладываемый в формулу: "Твой труд по-прежнему принадлежит мне. Но часть его, хотя и скромную, в виде определенного процента от результата труда, ты можешь

оставить себе. Это - твоя частная собственность. Делай с ней, что хочешь, и обеспечивай себе уровень жизни сам".

Мы уже упоминали о двух способах вознаграждения наемного труда, которыми располагает владелец фирмы: плата по твердой ставке и плата по твердому проценту от стоимости результата труда.

Нетрудно понять, что второй способ, в сущности, только тем отличается от первого, что при том же конечном размере вознаграждения (при небольшом проценте) стимулирует личную заинтересованность работника в результате труда. А



личный материальный интерес - это и есть главная пружина экономического роста, о чем бы ни шла речь - об отдельной фирме или о стране в целом. Именно ему обязаны своим процветанием те страны, где эта пружина никогда не вынималась из экономического механизма. И именно изъятие этой пружины из механизма советской экономики предопределило крах социализма. С учетом этого можно сказать, что суть реформ свелась в конечном счете к переходу от оплаты государством общественного труда "по ставке" к оплате "по проценту".

Либерализация всех иных

хозяйственных институтов и возрождение рыночных отношений явились орнаментом и необходимым сопровождением этой главной, стержневой перемены. Ее реализация и составляет важнейшее достижение реформ.

Но полноценной частной собственности эти реформы не создали и не могли создать, поскольку не ставили своей задачей устранение основной причины, лишавшей человека возможности быть собственником - существования государственной собственности. Государственная собственность - это тот инструмент, посредством

которого государство господствует над обществом. Если в советские времена оно, используя этот инструмент, держало общество, так сказать, на коротком поводке, то, благодаря реформам, оно, переписав законы, лишь удлинило поводок, но по-прежнему крепко держит его в руках, оставаясь собственником.

Таким образом, в ходе реформ граждане приобрели право собственности на вознаграждение за труд, пропорциональное ценности труда, сочтя его правом частной собственности. Но не изменилось главное: сам труд остался в собственности государства. Поэтому

так похожи картины дореформенной и послереформенной России, если именно главное выделить в них.

\* \* \*

Что же такое настоящая частная собственность и чем она отличается от той собственности человека, которую мы привыкли считать частной?

За отправную точку в этом определении возьмем тезис, истинность которого не вызывает сомнений: всякий человек от рождения принадлежит себе, а не другому человеку и не государству.

Ему принадлежит не только его тело, его руки и голова, но и его деятельность, совершаемая посредством рук и головы. Это мы и имеем в виду, когда в просторечье говорим о человеке: "его поступок", "его усилие", "его достижение". Равно и тогда, когда говорим "его труд". Труд, как и вообще деятельность, завершающаяся созданием блага, принадлежит человеку на том же основании, на каком он сам принадлежит себе: она ничья, кроме как деятельность этого человека. А значит, на этом же естественном и бесспорном основании принадлежит ему и

продукт его деятельности. Этот продукт - неотъемлемое продолжение его самого, и он не может быть отнят и присвоен другим лицом иначе, как путем присвоения его создателя.

Но сам по себе факт сращенности человека с продуктом своего труда еще не является отношением собственности. Он становится отношением, когда получает признание со стороны других людей; когда другие люди своим отношением к человеку демонстрируют свое согласие с тем, что он является единственным субъектом присвоения и потребления

этого блага. Что он может поступать с ним так же свободно, как с самим собой. Наконец, осознание этого отношения людей и его публичное декларирование создает право собственности человека, а именно - право частной собственности.

Отсюда становится ясным, что важнейшим признаком права частной собственности является его неприкосновенность - неприкосновенность ни для кого, ни для других людей, ни для государства.

Это право прирожденно человеку. Оно никем ему не даруется. Поэтому

ником не может быть и отнято у него.

Всякое принудительное отчуждение объекта собственности, дозволяемое юридическим законом, убивает в человеке собственника. Труд лишается для него смысла, из средства удовлетворения потребностей становится тягостной повинностью. Но дело заключается даже не в субъективном восприятии человеком своего труда, а в объективном результате его принудительного изъятия: в одних и тех же условиях объем и качество принудительного труда оказывается всегда гораздо меньшими, чем объем и качество труда, совершаемого



свободно. Иными словами, труд из-под палки и на другого человека (или государство) всегда гораздо менее производителен, чем свободный труд на себя самого. Любая система принуждения понижает эффективность общественного труда. В конечном счете, именно по этой причине в сравнительно недавнем прошлом - всего лишь 100-200 лет тому назад - ушли в небытие, казалось бы, естественные и вечные формы отношений, при которых собственность на труд человека приобреталась путем приобретения в собственность самого человека. Однако от тех, длившихся несколько

тысячелетий, времен, нам в наследство осталась практика принудительного изъятия труда в пользу государства. Она особенно губительна, поскольку охватывает весь совершаемый в обществе труд, и в наибольшей степени абсурдна, поскольку служит интересам уже даже и не реального лица, а абстрактной фигуры государства. Она может казаться незыблемой только на взгляд, обращенный в прошлое. Но она так же обречена, как и всякая форма отчуждения труда, противоречащая природе собственности.

\* \* \*

Подведем теперь итог.

В реальном мире существует только один субъект собственности - отдельный человек. Его отношение с другими людьми по поводу порядка присвоения благ, созданных им или приобретенных в обмен на свои блага, есть отношение собственности, и оно не может быть ничем иным, кроме как отношением частной собственности. Будучи осознано и публично заявлено, оно создает право частной собственности. Его основу составляет принцип: никто не может

присваивать и потреблять продукт труда человека, кроме самого этого человека. Этот принцип вытекает из естественного факта принадлежности человека самому себе. Он не может быть нарушен без ущерба для общего результата человеческой деятельности. (Разумеется, кроме случая, когда человек сам, добровольно отчуждает свой труд в собственность других людей, как это происходит, например, при продаже самой своей способности трудиться, своей рабочей силы). Поэтому система права, если она является отражением объективного порядка вещей, не

может признавать иного субъекта собственности, кроме человека, иной "формы собственности", кроме частной собственности, не может признавать за кем бы то ни было права произвольного и принудительного присвоения чужой собственности. В противном случае она оказывается в конфликте с реальными законами общественного бытия и вырождается в свод столь же надуманных и бессмысленных норм, как если бы санкционировала право граждан не считаться с силой тяготения.

Но именно таковым и является современный юридический институт

собственности с его постулатом "плюрализма форм собственности" и признанием права государства на принудительно изъятие собственности граждан в порядке налогообложения. У него нет корней в реальной действительности, в нем объективная природа общественных связей неузнаваемо искажена. Он - не более чем плод незрелого воображения, неуклюже сложенный, противоречивый миф о настоящей собственности. И пока мы остаемся во власти этого мифа, Земля для нас все еще плоская и Солнце обращается вокруг нее.

## **МИФ О НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЕ**

Когда возникла практика принудительного и регулярного взимания дани - этого, пожалуй, достоверно не знает никто. Она старше письменности, древнее египетских пирамид. Она пережила расцвет и гибель всех укладов и форм хозяйствования и, почти не изменившись, сохранилась до наших дней.

Чем объяснить ее феноменальную живучесть? Что заставляет общество и в наши дни терпеливо нести ярмо повинности перед государством и

платить ему оброк, порою непосильный?

Бытует мнение, что, отказавшись платить налоги, люди лишились бы государства, что без налоговой системы государство существовать не может. Это, конечно, не так. Точнее, данное мнение можно признать и истинным, но только с одной существенной оговоркой: оно не может существовать как собственник.

Утрата государством права собственности - равносильна ли она гибели государства? Этот вопрос звучит так же нелепо, как если бы



мы спросили: равносильна ли гибели человека утрата им способности летать? У человека, как известно, нет такой способности, поэтому и "утрата" ее никак не может повредить реальному человеку. Но и у государства, как мы могли убедиться выше, нет "способности" быть собственником. В качестве собственника оно существует только в нашем воображении. В природе же вещей такого собственника нет. Так надо ли опасаться утраты им воображаемого статуса? Отказавшись от налоговой системы и, тем самым, отобрав у государства воображаемые полномочия, мы не нанесли бы ему

никакого ущерба, а сами лишь избавились бы от фальшивых и противоречивых иллюзий, вплетенных в наше представление о государстве. Мы достигли бы только того, что это представление стало бы больше соответствовать реальности.

Всякий раз, когда государство берет на себя несвойственные его природе функции, обещая обществу взамен какие-то блага, действительным результатом оказывается только то, что общество этих благ лишается. Мы помним, какие плоды приносила государственная забота в период "строительства коммунизма" когда оно присваивало себе практически

весь общественный продукт: если оно обещало из своих "закромов" накормить народ, надо было спешно обзаводиться подсобным хозяйством; если обещало "каждой семье по квартире", для каждой семьи это служило верным знаком того, что с мечтой о нормальном жилье надо проститься; что бы оно ни бралось производить или распределять - все вскоре исчезало. Государство - это служебный социальный институт и поэтому ему не свойственно быть собственником. Представим себе слугу в доме, готового оставаться слугой лишь при условии приобретения прав собственности на

дом. Понятно, что если хозяин согласится на это условие, то лишится и дома, и слуги. Точно так же и общество лишается "государства - слуги", получает взамен него "государство-господина", когда соглашается признать в нем собственника. Отказать ему в этом праве, в частности, путем упразднения налоговой системы, значит лишь вернуть его к его естественному предназначению.

Другое мнение в защиту налоговой системы заключается в том, что никакого иного способа финансирования деятельности государства, хотя бы только его

естественной, служебной деятельности, просто не существует. То есть, что налоговая система неупразднима, потому что незаменима. Но и это соображение не выглядит убедительным. Незаменимым на самом деле является только объективный порядок общественных отношений. Налоговая система, как мы видели, искусственно строится на мифических представлениях о собственности. И уже поэтому она не просто "заменима" - она заведомо и неизбежно "заменима". Она обречена быть замененной другой системой финансирования бюджета.

Можно, конечно, думать, что "другой системы нет, потому что ее нет нигде и не было никогда". Но и этот довод скорее способен скомпрометировать наше умение думать, нежели послужить доказательством того, что другая система невозможна. Мы же вскоре попробуем убедиться в том, что построение альтернативной системы вполне реально.

Но еще прежде следует ответить себе на вопрос: а нужно ли ее менять? Как ни странно, но и на этот счет есть сомнения. И это действительно странно, потому что у налоговой системы нет ни одного достоинства -

ни одного! - которое оправдывало бы ее существование. Пороки же ее настолько очевидны, что их нельзя не заметить даже с закрытыми глазами.

В самом деле, можно ли видеть ее достоинство в том, что она позволяет наполнить бюджет? Да, если не обращать внимания на обратную сторону ее применения, а именно, на то, что одновременно с тем она разоряет страну.

Карман гражданина и государственная казна - это два "сообщающихся сосуда": то, что притекает в один из них, вытекает из другого. Полезна ли для общества

такая конвекция? Казна - "сосуд" дырявый и, в сущности, бесхозный. Часть средств, поступающих в нее, исчезает без следа и без ведома не только общества, но и самого государства. Другая часть расходуется на проекты, отвечающие интересам государства и, как правило, не только не согласующиеся с общественными интересами, но и откровенно противоречащие им. И только то, что остается после удовлетворения частных и корпоративных нужд государственной бюрократии, направляется на удовлетворение нужд налогоплательщиков. Но и эти



остаточные средства используются весьма неэффективно, поскольку у чиновника нет личной заинтересованности в рачительном их применении. Иначе, впрочем, не может и быть, пока государство остается собственником. Ведь собственник, по определению, вовсе не обязан ни заботиться о благополучии несобственников, ни отчитываться перед ними в том, что он делает со своей собственностью.

Если считать, что деньги налогоплательщиков - это эквивалент совершенного ими труда, то следует признать, что нынешний бюджет есть место погребения значительной

части общественного труда, то место, в котором человеческий труд превращается в ничто и утрачивается обществом безвозвратно. Поэтому едва ли можно назвать достоинством налоговой системы то, что она, как насос, без устали перекачивает общественный труд из одного "сосуда", где он мог бы воплотиться в блага, необходимые людям, в другой, где немалая его часть исчезает, как если бы не совершалась вовсе. С этой точки зрения, наверное, было бы правильнее видеть в налоговой системе механизм, действие которого является одной из причин общественной бедности.

Конечно, у людей есть потребности, удовлетворить которые способно только государство: потребность в законном правопорядке, в защите личной неприкосновенности, имущественных и иных гражданских прав и т.п. Но тут возникает вопрос о цене государственных услуг. Стоят ли они того, что общество отдает за них?

Очевидно, что нет. Кроме государства, действительно, никто не может предоставить их людям. А это значит, что государство является монополистом в сфере производства этих услуг. Поскольку они жизненно

важны, то есть поскольку спрос на них, выражаясь языком экономической теории, крайне неэластичен, государство имеет возможность насколько угодно завышать их цену. И этой возможностью оно активно пользуется, стремясь утолить свой вечный финансовый голод. Сравнивать уровни налогообложения в разных странах, чтобы оценить степень их обоснованности, как это обычно делается, совершенно бессмысленно. Это все равно, что сравнивать размеры оброка, которым прежде облагали помещики своих крепостных, и делать из этого вывод,

что у кого-то из них оброк был "обоснованный" и "справедливый", поскольку у других он был выше. Действительную оценку стоимости государственных услуг, а значит, и оценку степени завышения государством их цены, мог бы дать, очевидно, только рынок подобных услуг. Но такого рынка нет, и поэтому остается пользоваться лишь качественной оценкой.

Предельным уровнем государственных налоговых изъятий является, очевидно, тот, за которым проблема собственного выживания оказывается для граждан более актуальной, чем проблема

выживания государства. То есть тот уровень, за которым производитель разоряется и сворачивает свое дело не потому, что на его продукцию нет спроса, а потому, что его предприятие перестает приносить доход. За которым домохозяйство отказывается от приобретения жизненно важных товаров не потому, что не нуждается в них, а потому, что не в состоянии их купить. За которым жизненный уровень населения оказывается ниже прожиточного минимума. Примерно на этом уровне в настоящее время производятся налоговые изъятия в России. Государство не может

потребовать от общества уплаты большей цены за свои услуги, не создавая угрозы своему существованию.

С другой стороны, цена этих услуг объективно зависит и от их качества, от того, насколько мера их ожидаемой полезности оказывается соответствующей мере полезности реальной. То есть от того, насколько полно и эффективно государство исполняет те обязанности перед гражданином, за которые гражданин готов ему платить. Понятно, что цена государственных услуг сходит к нулю, когда гражданин перестает рассчитывать на них. С учетом этого

нетрудно заключить, что пропорция между объемом того, что гражданин России вынужден отдать своему государству и объемом того, что он получает взамен, может быть выражена формулой: гражданин отдает почти все и не получает почти ничего. Эта пропорция и характеризует степень завышения государством цены на свои услуги.

Конечно, в других странах данная пропорция может быть и иной, и более, и менее контрастной. Наверняка и в России она со временем сгладится. Но как бы она ни изменилась, едва ли коэффициент полезного использования



государством присваиваемого общественного труда сможет превысить коэффициент полезного действия паровоза изобретателей Черепановых. Какова бы она ни была, в любом случае она свидетельствует только о том, что цена, в какую обществу обходится существование государства - о государстве какой бы страны ни шла речь, - значительно выше той, какую государство действительно стоит. А следовательно, что содержание государства посредством налоговой системы разорительно для всякого общества.

Таково единственное "достоинство" налоговой системы. Прочие же ее особенности и вовсе складываются в калейдоскоп откровенного абсурда.

В самом деле, обязанность гражданина перед государством имеет вполне определенный материальный характер. Налоги он должен платить живыми деньгами. Но у государства его платежи не создают никаких ответных материальных обязательств. Оно ограничивается лишь декларацией своей моральной ответственности. Конечно, вряд ли какой-нибудь гражданин отказался бы в обмен на

моральную ответственность государства оказать ему моральную же поддержку. Такой обмен был бы вполне эквивалентным. Но когда от человека требуется платить за декларации рублями, его моральное чувство оказывается в конфликте с материальным интересом. Заметим, что создается этот конфликт отнюдь не человеком. Он всегда готов платить звонкой монетой за реальные блага, отвечающие его потребностям. Эта его готовность иначе именуется "спросом", а блага, удовлетворяющие спрос - "предложением". Он предъявляет спрос и на конкретные

государственные услуги, он готов платить за них. Но государство предлагает ему не сами эти услуги, а только их обещание. Если бы, например, туристское агентство обещало своим клиентам увлекательные поездки, не сообщая о них ничего конкретного, такие обещания едва ли можно было бы назвать реальным предложением. Так и государство оставляет своих граждан без реального предложения, требуя при этом от них реальных платежей. Поэтому именно оно и порождает в душе человека названный конфликт.

А такой конфликт, как известно, в конечном счете всегда разрешается в пользу материального интереса.

Человек отказывается платить "ни за что". Свои доходы он старается от государства скрыть. Повинен ли он в этом? Не более чем в стремлении защитить от расхищения результаты своего труда и бережно, по-хозяйски их использовать. На этом стремлении держится весь естественный и разумный уклад жизни. Но государство принуждает человека подавить его в себе. Оно создает у человека материальную заинтересованность в утаивании доходов и требует, чтобы он,

оставаясь в круге материальных отношений, переступил через свой материальный интерес. Оно принуждает человека к противоестественному поведению, рассматривая естественное поведение как "противоречащее государственным интересам".

Неверно думать, будто существование теневой экономики - это результат злого умысла нечестных людей. Люди на самом деле ничем не обязаны государству. Даже когда они не платят ему, именно оно остается их должником. Человек не может нарушить долг перед государством, ибо такого долга

нет, не существует в природе. Как нет и не может быть материального долга у кормильца перед кормящимся, у дающего перед одариваемым. Мысль о нем внушает и навязывает людям государством. Но оно же навязывает им и нарушение этого искусственного долга. Появление теневой экономики - это органичное следствие налоговой политики самого государства. Именно им, а не предпринимателями, она и создается. Тем самым оно само сокращает для себя ту материальную базу, в которой находит источник своего финансирования.

Можно ли ожидать, что человек не будет обманывать государство, если обман сулит ему выгоду? Это было бы наивно. Скорее следует ожидать, что при этих обстоятельствах обман в общении с государством станет для человека столь же привлекательным, как честность - в общении с другими людьми. Именно это мы и наблюдаем. "Чем больше лжи, тем больше денег", - вот принцип, которым вынужден руководствоваться человек перед лицом государства, будучи поставлен в условия, государством же и созданные.



При этом государство отнюдь не заблуждается относительно настроения людей. Но и сознавая порочность этой ситуации, оно вовсе не стремится к такой перемене условий своего диалога с человеком, чтобы человек мог оставаться честным без ущерба для себя. Оно готово к тому, что люди ему лгут, и требует только, чтобы они лгали ему документарно. Для этого оно вводит порядок бухгалтерской отчетности.

Бухгалтерия по своему естественному назначению - это зеркало хозяйственной деятельности. Она придумана людьми, чтобы иметь

максимально точное и полное представление о состоянии своих дел. Но едва из средства учета текущих операций она превращается в форму отчетности, из записей "для себя" - в документ "для государства", ее ведение лишается всякого смысла. Поверхность этого зеркала искривляется и мутнеет. Оно делается тем полезнее человеку, чем меньше в нем можно что-либо разглядеть. Истинная бухгалтерия оказывается убыточной, фальшивая превращается в источник дополнительного дохода.

Но сделав документарную ложь выгодной, государство не может

примириться с тем, чтобы и в этом случае человек поступал, сообразуясь со своей выгодой. Оно не может запретить ему вообще руководствоваться выгодой, ибо никакого иного мотива хозяйственной деятельности просто не существует. Государство не может зайти так далеко и соглашается признать право человека на получение выгоды от своего труда, соглашается даже защитить это право силой закона. Но право это оно распространяет лишь на отношения людей друг с другом. В отношении же с ним самим, с государством, то

же самое стремление к выгоде оно квалифицирует как преступление.

В любой сфере человеческой жизни понятия "выгода" и "разумность" являются едва ли не синонимами. Поведение человека тем более разумно, чем больше оно приносит выгоды и ему самому, и другим людям. Требуя от него поступков, противоречащих его представлению о выгоде, государство тем самым требует от него по отношению к себе поведения безрассудного, бессмысленного. На самом деле безрассудным и бессмысленным является, конечно, само это требование. Но оно облачается в

форму закона - налогового закона, - и в этом обличье, в котором сила возмещает ему отсутствие смысла, делается юридической нормой, превращающей разумное поведение людей в поведение преступное.

Государство в лице своих представителей не устает заявлять о своей приверженности делу "укрепления законности" и "построения правового общества". Но многого ли стоят эти заявления, если само оно и является главным провокатором экономической преступности! Более того, оно же, в сущности, становится и крупнейшим экономическим преступником. Мы

уже видели, что существование института государственной собственности лишает человека его основного экономического права - права быть собственником своего труда, быть частным собственником. Того права, которое, якобы, защищается и Конституцией, и всем сводом гражданских законов. Попраение этого права, которое позволяет себе государство, и есть его тягчайшее преступление перед человеком и обществом. В Конституции же можно прочесть: "Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено

только при условии предварительного и равноценного возмещения" (ст. 35). Но разве не является практика налогообложения практикой именно такого "принудительного отчуждения"? Следуя и духу, и букве этой статьи Конституции, подобную практику нельзя не признать антиконституционной, а следовательно, преступной. А чем, как не преступлением против человека следует считать преступление против здравого смысла, хотя бы формально оно и не было упомянуто в уголовном кодексе? Может ли "сокрытие

доходов" и "уклонение от уплаты налогов" со стороны человека сравниться по масштабу общественной опасности с этими преступлениями, совершаемыми государством? И, наконец, разве не является преступлением то, что эти преступления делаются вполне допустимыми и законными только потому, что их совершает не человек, а само государство?

Понятно, что заставить человека жить по столь абсурдным правилам государство может только силой. Поскольку же в грехе здравого смысла и приверженности своим материальным интересам им не без



основания подозреваются все, оно  
обращает насилие против всех,  
против всего общества. Декларируя  
взимание налогов своим священным  
правом, а их платежи - обязанностью  
каждого гражданина, государство  
фактически объявляет обществу  
налоговую войну. У этой войны, как  
и у всякой настоящей войны, есть  
свои жертвы. На ней гибнут люди,  
льется кровь, ломаются человеческие  
судьбы. Стороны несут гигантские,  
никем не подсчитываемые  
материальные потери. В этой войне  
на стороне государства - закон и  
сила, на стороне общества - обман и  
взятка. Эта война и определяет то

состояние страны, которое  
именуется гражданским миром.

Какая нелепость! Разве общество  
заинтересовано в войне со своим  
государством? Разумеется, нет. Хотя  
бы потому, что война эта ведется в  
конечном итоге за счет самого  
общества. Но не общество ее  
инициирует. Ее навязывает ему  
государство. Это война, в которой  
общество защищает свои  
материальные интересы от  
посягательства государства. Именно  
государство, применяя налоговую  
систему, создает тот искусственный  
конфликт собственных интересов и  
интересов общества, который не

может быть разрешен никакими идеологическими средствами, никаким "общественным договором" и "гражданским согласием", а только войной, только тотальным принуждением - конфликт материальных интересов.

Однако ответственность за эту войну лежит и на обществе, поскольку, сопротивляясь налоговому насилию государства, оно в то же время признает за ним право на это насилие, а значит, со своей стороны, провоцирует на него государство.

В царстве налоговой системы все нормальные отношения людей

принимают извращенную форму, все  
здоровые представления  
выворачиваются наизнанку,  
доводятся до бессмыслицы, до  
противоположности. Это царство, в  
котором, как в романе Дж. Оруэлла,  
война есть мир, ложь есть истина,  
бесправие - закон, выгода -  
преступление, абсурд - основа  
миропорядка.

Почему человек должен позволять  
государству отбирать часть его  
дохода? Потому, что он нуждается в  
государстве? Но он нуждается и в  
хлебе насущном, однако никому же  
не приходит в голову сделать хлебные  
платежи обязательными и изымать их

под угрозой наказания. Всякому ясно, что если бы такие платежи были введены, хлеба бы не стало. Поэтому единственный ответ, который может быть дан на этот естественный и, казалось бы, сам собой напрашивающийся вопрос, сводится к заключению, настолько же простому, насколько и абсурдному: человек должен платить государству только потому, что этого требует государство. Потому, что только так государство может получить его деньги, ничего не отдавая взамен.

Не нужно быть пророком, чтобы предсказать судьбу такой системы.

Она обречена. Ни человеку, ни государству она не нужна. Она есть зло. И оттого только, что мы слишком к нему привыкли, сжились с ним, оно не перестает быть злом. Причина существования налоговой системы кроется отнюдь не в объективной природе общества, а в субъективных представлениях людей о его устройстве. Точнее, в неумении понять, как можно обеспечить содержание государства, не прибегая к налогам.

Между тем, понять это совсем несложно. Для этого не надо ничего изобретать, выдумывать "из головы". Конструкция безналогового

механизма финансирования государства уже содержится в отношении собственности (в объективном, разумеется, отношении, а не мифическом). Ее надо только разглядеть в нем.

\* \* \*

Человек заинтересован в существовании государства ровно настолько, насколько он заинтересован в защите своих прав. В основе всей совокупности его гражданских прав лежит право собственности. Это материальное право, и поэтому потребность в его

защите составляет предмет  
материального интереса человека.

Обратим внимание на это последнее  
и наиболее важное для нас в данном  
случае обстоятельство: содержание  
государства в своей объективной  
основе составляет предмет личного  
материального интереса человека. Из  
этого следует, что помимо налоговой  
системы, основанной на принципе  
принуждения граждан к платежам,  
возможно построение иной системы,  
являющейся реализацией принципа  
добровольного финансирования  
гражданами своего государства ради  
удовлетворения своих частных



интересов. Нам нужно только понять конструкцию этой системы.

Для этого необходимо сознавать следующее.

Хотя человек и заинтересован в защите права собственности вообще, в защите самого института права собственности, платить из своего кармана он готов только за защиту своего права, а не чужого. Другой человек о своих материальных правах, если он ими дорожит, должен, очевидно, позаботиться сам. И если он отказывается от платежей государству, государство не должно брать на себя заботу о его

материальных правах. Иное решение государства означало бы оказание ему услуги за счет других людей, а следовательно, нарушение государством материальных прав этих людей. Что противоречило бы обязанности государства защищать их права.

Такое условие, конечно, выглядит непривычным. Но что может быть естественнее его? Для налоговой системы, как уже говорилось, характерно то, что, взыскивая с гражданина деньги, государство не считается с его интересами. Оно обещает гражданину то как раз, что противоречит его естественному

желанию: защиту за его счет прав других людей и защиту за чужой счет его собственных прав. Разве это не абсурд! Между тем, в глазах собственника нормальным является такой порядок вещей, согласно которому каждый мог бы получить за свои деньги, то есть купить, то, что хочет, и никто не обязан был бы оплачивать чужие покупки или требовать, чтобы за него платил кто-то другой. Этот порядок и отражен в приведенном условии. Поэтому, хотя выглядит оно и непривычно, его никак нельзя назвать неразумным.

Платя деньги, собственник всегда рассчитывает на то, что взамен

получит равноценное платежу благо. Этот расчет свойственен ему не только в отношениях с другими людьми, но и в отношениях с государством, ибо приобретение желаемого блага вообще является единственной предпосылкой материальных отношений, единственной причиной, которая способна побудить собственника расстаться со своими деньгами. Деньги никому не даются даром, поэтому не следует полагать, будто собственник по доброй воле согласится даром их отдать, отдать "за чужой интерес", хотя бы и государству. За свои деньги он вправе

требовать от государства внимания к себе же, а не к кому-то другому.

В то же время следует иметь в виду, что осуществление платежа является для гражданина средством приобретения отнюдь не права собственности, а государственной услуги, состоящей в защите этого права. Правом собственности всякий человек обладает от рождения, и государство не может ему это право ни продать, ни подарить, ни как-либо иначе им наделить. Оно может только отнять его, точнее, лишить человека возможности пользоваться им. Защита же его подразумевает деятельность государственных

учреждений, связанную с расходами, и поэтому она, эта деятельность, и должна быть оплачена человеком, заинтересованным в ней. Иначе говоря, такой платеж можно рассматривать как форму покупки гражданином государственной услуги, покупки, совершаемой добровольно, поскольку он испытывает потребность в ней.

Теперь попробуем представить себе способ практической реализации этого принципа.

Любой человек является участником так называемого "гражданского оборота". Под этим термином

подразумевается совокупность всех сделок, совершаемых в обществе, то есть совокупность любых отношений людей, в ходе которых они приобретают и осуществляют свои права собственности. Получает ли человек заработную плату, делает ли покупку в магазине, заключает ли коммерческий договор, вступает ли в права наследования, дарит ли что-то или платит по долгам - во всех этих и многих других случаях он совершает сделки, представляющие собой отдельные эпизоды гражданского оборота. И во всех этих случаях он заинтересован в том, чтобы его права, возникающие в результате

сделки, были защищены государством. Государство обязано предоставить ему такую защиту, если он оплатит эту услугу, перечислив в бюджет определенный процент от цены вновь приобретаемого права, то есть от цены сделки. Отказ от ее оплаты означал бы отказ от услуги государства. Такое решение человека освобождало бы государство от какой-либо ответственности перед ним по данной сделке.

Назовем этот платеж "гражданским платежом"

Указанный принцип непосредственно вытекает из



содержания объективного отношения собственности. Мы знаем, что это отношение есть отношение реальных людей, а не абстрактных "юридических лиц", и что его правовой формой является только право частной собственности. Никакого иного права оно не создает. Мы знаем также, что право частной собственности представляет собой факт признания обществом - именно обществом, другими реальными людьми, а не государством - данного человека как единственного субъекта присвоения данного объекта. И что поэтому оно неприкосновенно ни для других людей, ни для

государства. Только собственник вправе решать, как поступать с объектом собственности, в частности, платить ли государству, или нет. Таким образом, восстановление человека в этом праве есть восстановление самого права человека быть собственником. Только при соблюдении этого принципа в обществе утверждается полноценное, действительное право частной собственности. В свою очередь реализация данного права влечет за собой необходимость соблюдения этого принципа.

Какова должна быть величина процента, взимаемого государством,

то есть ставка гражданского платежа?

Совершенно ясно, что даже свое собственное право человек будет настроен застраховать у государства лишь при том условии, что цена страховки будет оправдана ценностью самого этого права. Право собственности всегда имеет конкретный объект, обладающий определенной стоимостью, измеримой в деньгах. Платить за него больше, чем оно стоит, человек, разумеется, никогда не станет. Поэтому ставка гражданского платежа должна быть в его глазах соразмерна цене приобретаемого

права. Кроме того, она должна предусматривать существенно меньшие выплаты, чем те, которые вынужден производить человек в рамках налоговой системы. Иначе переход к системе гражданских платежей будет ему невыгоден, и он вряд ли согласится на него. Всем этим условиям как раз и будет отвечать рассматриваемая ставка. Однако вопрос о том, каким образом она будет определяться, оставим здесь открытым. Ответ на него мы сможем получить в следующей главе.

А пока обратимся к другому, вполне резонному вопросу: станет ли

человек платить государству, если будет волен и не платить?

За общие декларации, не создающие реальной ответственности государства, он, конечно, платить не будет. Ему нужны более весомые и более конкретные гарантии защиты его интересов. А такие гарантии могут возникнуть только в том случае, если на государство будут распространены нормы обязательственного гражданского права. Получая от гражданина материальное вознаграждение, государство должно нести материальную же ответственность перед ним.

Свои деньги человек отдает государству за то, чтобы оно обеспечило ему защиту права собственности по вполне определенным сделкам. Принимая эти деньги, государство берет на себя обязательство его защиты. Поэтому в случае неисполнения своей задачи оно деньгами же должно и отвечать. А иначе гражданин платить ему не станет, ибо иначе ему просто не за что платить.

Отсюда вытекает второй принцип отношений человека с государством - принцип материальной ответственности государства за

защиту материального права человека.

Слово "ответственность" в применении к государственному чиновнику обладает в настоящее время каким-то совершенно неуловимым, едва ли не мистическим смыслом. Что под ним подразумевается? В политической риторике оно весьма популярно, и обычно произносится в сопровождении какого-либо прилагательного, указывающего на размер или характер ответственности: "великая", "исключительная", "историческая", "государственная", "личная", наконец

- "вся". Но что именно градуируется или описывается этими терминами? Что представляет собой ответственность чиновника как таковая? И что включает в себя ответственность государства?

Спрашивать об этом напрасно. Всякому понятно, что это слово, когда оно выговаривается чиновником, является пустым звуком. Нельзя же, в самом деле, под ответственностью должностного лица понимать риск потери своего кресла из-за принятия неверного решения - слишком несоизмерима оказывается в этом случае мера его личной неприятности с мерой



ущерба, который несет от его решения общество.

Между тем, этому понятию может быть возвращен его прямой смысл - смысл ответного и соразмерного обязательства. В материальных отношениях с гражданином ответственность государства не может быть никакой иной, кроме как материальной. И эту ответственность оно должно взять на себя, чтобы получить право называться ответственной стороной этих отношений.

Такая ответственность должна быть безусловной, наступать

автоматически, в заранее определенные сроки и в той форме, которая более всего удобна человеку. При этом объем ответственности должен определяться ценой сделки.

На практике этот принцип может быть реализован следующим образом.

В случае нарушения права собственности гражданина он обращается в суд. Все гражданские споры, как это принято и в настоящее время, должны разрешаться в суде. Если сделка, по которой это право должно было у него возникнуть, не была им

проплачена государству, суд не принимает его иск к рассмотрению. Но если он внес соответствующий гражданский платеж, суд обязан его иск принять, рассмотреть и вынести по нему решение и определить порядок и срок его исполнения. По истечении этого срока, если гражданин по каким-либо причинам (проволочки с рассмотрением его дела, неисполнение решения суда и т.п.) не получил удовлетворения своим требованиям, он приобретает право на возмещение своего ущерба за счет государства. То есть ему предоставляется возможность в ближайшем отделении казначейства

или даже в своем банке получить денежное удовлетворение в размере суммы иска (не выше цены сделки и законной неустойки) и суммы ранее внесенного им гражданского платежа. (Последняя сумма может играть роль штрафа, налагаемого на государство за неисполнение своих обязательств). Получение этих денег должно быть делом таким же простым и скорым, как получение денег с любого текущего банковского счета. Иными словами, обращаясь в суд с жалобой на нарушение своих законных прав, гражданин должен быть абсолютно уверен в том, что его права по прошествии некоторого,

заранее устанавливаемого времени, обязательно будут полностью восстановлены или компенсированы государством. Если не за счет должника, то за свой собственный счет. После этого право требования долга по сделке гражданина переходит от него к государству в лице суда или иного ответственного учреждения.

Таким образом, право гражданина, взятое под защиту государством, будет ему обеспечено в законный срок при любых обстоятельствах. Только при наличии такой гарантии у гражданина появится потребность платить государству.

Но хватит ли у государства денег расплатиться по всем неисполненным обязательствам?

Это зависит от самого государства, от того, насколько оно "сильно" и насколько "слабо". Впрочем, эти понятия следует уточнить.

Говоря о слабости государства, мы обычно имеем в виду не недостаточную численность его армии, не низкий уровень военной мощи, а неспособность государства держать свое слово, выполнять свои обязанности, неумение обеспечить торжество закона и соблюдение прав граждан. Нетрудно понять, что

государство не может быть сильным, если почти все свои силы тратит на налоговую войну с населением, на защиту собственных материальных интересов. В этом случае сил на охрану интересов граждан у него уже не остается. Тем более что и побуждения заниматься этим оно, будучи собственником, не испытывает. Настоящая же сила государства проявляется не в заботе о себе, а в том, насколько надежно и эффективно оно умеет защитить права людей, каждого отдельного человека. Сильное государство - это государство, не господствующее над человеком, а преданно и верно

служащее ему, способное выполнить свой долг перед ним, в каких бы обстоятельствах и по какому бы поводу человек не обратился к нему за помощью. Как сделать наше государство "сильным"?

Воззваниями к совести чиновников, уговорами и укорами в печати, демонстрациями общественного недовольства, пикетами и т.п. дело не поправить. Существует только одно средство, способное оказать на него надлежащее воздействие - деньги. Каким бы слабым не было государство, оно в самое короткое время станет сильным, если за свою слабость ему придется платить.



Представим ситуацию:  
государственное учреждение по  
каким-либо причинам не  
восстановило вовремя нарушенное  
право человека. В этом случае  
человек получает денежное  
возмещение своего ущерба из казны,  
и сумма, выплаченная ему, относится  
на счет этого учреждения. Его  
бюджет сокращается, сотрудники  
лишаются надбавок, премий, ссуд,  
иных материальных льгот, само  
учреждение остается без средств на  
повышение комфортности труда,  
улучшения условий жизни и отдыха  
своих служащих. Какова будет  
реакция на это самих служащих?

Надо думать, они постараются найти и устранить причину, повлекшую такие последствия, а если причиной явится недобросовестность, непрофессионализм или корыстолюбие их коллеги, они едва ли согласятся терпеть его в своих рядах. Пострадавшему человеку не надо будет жаловаться "вышестоящему начальству", мыкаться по кабинетам "в поисках справедливости", писать "письма в инстанции", упрашивать и давать взятки. За него эту "работу" автоматически выполнит сам механизм материальной служебной ответственности. Деньги заставят

чиновников быть  
высокопрофессиональными,  
чуткими, отзывчивыми служащими.  
В итоге выигрывают все - и  
пострадавший человек, и сами  
чиновники. В проигрыше останется  
только лицо, нарушившее чужое  
право. Но это как раз и есть тот итог,  
который мы все хотели бы получить  
и который составляет реальный  
смысл представления о "сильном  
государстве". Таким образом,  
процессу усиления государства будет  
сопутствовать сокращение числа  
неудовлетворенных по его вине  
жалоб граждан, а следовательно, и  
общей суммы материальных

взысканий с него.

Но и суммы, которые государству придется выплатить, при достаточной его энергичности и расторопности не опустошат казну. Право требования по искам граждан на те же суммы перейдет к нему. А это значит, что виновному в нарушении права человека с этого момента придется иметь дело не со своим кредитором, а с пострадавшим и рассерженным государством. Вследствие такой перемены, и даже вследствие самой возможности такой перемены число умышленно неисполняемых сделок, надо полагать, существенно сократится. В

итоге повысится общий уровень ответственности и обязательности участников гражданских правоотношений. Люди станут честнее. А государство сможет компенсировать свои потери за счет истребования соответствующих сумм с должника.

Итак, сколько же придется государству платить? Объем этих платежей можно рассчитать следующим образом. Он будет равен сумме цен всех неисполненных сделок минус сумма цен, исполненных в процессуальные сроки по судебным решениям, минус сумма цен сделок, которую удастся

получить государству за пределами процессуальных сроков на основе приобретения права требования. Здесь следует учесть и еще ряд сумм, в частности, возникающих по мошенническим искам. Наверняка найдутся охотники получить бюджетную компенсацию за нарушение своих прав по неискренним сделкам, то есть заключенным без намерения их исполнять. Если в суде откроется, что сделка имела заведомо мошеннический характер, материальная ответственность за нее перед государством ляжет на ее участников. Для этого, впрочем,

законом должно быть максимально корректно и полно определено и само понятие "мошенничества". И такой закон, от отсутствия которого уже пострадало если не все общество, то его большинство, немедленно появится на свет, как только интерес в нем коснется кармана государства. В итоге государству придется платить гражданам только сумму, равную цене его беспомощности.

Сможет ли оно заплатить эту сумму? Нет, если будет слабым. Но оно и останется слабым, если не заставить его платить. Когда же ему придется платить, оно будет вынуждено стать

сильным. А сильное заплатить наверняка сможет, ибо ему не придется платить почти ничего.

А теперь вновь вернемся к вопросу: станет ли человек добровольно платить государству даже при наличии такой гарантии, если будет иметь возможность не платить? Не захочет ли он сэкономить на этом платеже, заключая сделки с людьми, которых он хорошо знает и в надежности которых совершенно уверен?

Попробуем оценить и эту ситуацию.



Допустим, два добрых знакомых, А и В, заключили сделку, по которой В должен заплатить А. Допустим, по этой сделке, доверяя друг другу, они договорились не производить гражданского платежа. Получив от А то, что составляло предмет их сделки (товар, услугу, заем и т.п.), В окажется перед выбором: расплачиваться ли ему с А или нет? Он знает, что А не сможет обратиться в суд, не сможет истребовать с него деньги. Отказ платить порвет их дружеские отношения. Но он сулит большую выгоду. Не будет ли она настолько привлекательной для В, что он решит

пожертвовать ради нее дружбой с А?  
Тем более, что утрата дружеской  
связи сама по себе вовсе не грозит  
ему разрывом им деловых отношений  
с А. Предложив А в следующий раз  
другую взаимно выгодную сделку, В  
может рассчитывать, что А, уже и не  
доверяя ему, все же согласится на нее  
при условии совершения  
гражданского платежа, чтобы не  
упустить своей выгоды. Какой из  
аргументов окажется для него в  
конечном счете более весом -  
моральный или материальный, - он  
может и сам не знать, заключая  
первую сделку. Тем более этого не  
может наверняка знать А. Но А не

может не сознавать того соблазна, перед которым окажется В. Экономя на гражданском платеже, А сознательно создаст такую ситуацию, в которой может лишиться и дружбы с В, и прибыли от сделки, и всего имущества, составляющего предмет сделки. Какой смысл для него поступать подобным образом? В свою очередь и В, приобретя имущество А и даже расплатившись с ним, все равно не будет иметь государственной защиты права собственности на него. Владение этим имуществом и для него окажется сопряженным с весьма высоким риском его утраты. Будет ли

это отвечать его желанию?

Конечно, масса мелких, бытовых, дружеских, одномоментных сделок будет совершаться без гражданского платежа - так же, как и теперь они совершаются без уплаты налогов. Но основной объем гражданского оборота наверняка будет страховаться этим платежом, независимо от доверия его участников друг к другу. Экономя на нем, человек попадает в зону беспомощности. Это даже не зона высокого риска - это зона гарантированного провала любого коммерческого начинания. Ведению дел в этой зоне сопутствуют гораздо меньшие шансы на успех, чем игре в

рулетку. Поэтому любой человек будет так же заинтересован в гражданском платеже, как в успехе своей сделки.

Лучшей гарантии поведения человека, чем его личный материальный интерес, как известно, в природе не существует. А здесь он налицо. Так что сомневаться в том, будет ли человек платить государству все равно, что ставить под сомнение роль материального интереса в его деловом поведении.

Остается последний вопрос. Размер гражданского платежа, как уже сказано, должен определяться

некоторым фиксированным процентом от цены сделки. Должны ли будут участники сделки оплачивать всю причитающуюся казне сумму?

Разумеется, нет. Имея возможность не платить вовсе, они заплатят столько, сколько сами сочтут нужным. По смыслу права частной собственности, каждый человек сам должен решать, сколько платить государству. Но если они заплатят только часть этой суммы, то, разумеется, и государство примет на себя ответственность лишь за часть цены сделки. Неоплаченная часть сделки останется незащищенной. В

этом случае сделка частично окажется в уже упомянутой зоне заведомой неудачи. И для ее участников она в этой части будет иметь те же последствия, что и неоплаченная сделка. Нетрудно понять, что их решение относительно этой части, а следовательно, и полноты оплаты будут диктоваться уже рассмотренными соображениями, побуждающими людей платить. Иначе говоря, если из соображений личной выгоды они сочтут нужным оплатить одну часть сделки, то из тех же соображений они скорее всего сочтут нужным оплатить и другую. В

итоге можно ожидать, что платежи будут осуществляться в полном объеме.

Какова будет процедура платежа? Надо ли будет по всякой сделке ее участникам отправляться в банк, чтобы перечислить деньги государству? Разумеется, нет! Если сделка совершается письменно, им будет достаточно, например, наклеить на каждый экземпляр договора одну или несколько марок (соответственно сумме платежа), купив их в любом киоске, магазине, банке, погасить эти марки своей печатью или подписью и обменяться экземпляром договора с партнером.



Если сделка заключается в устной форме, они смогут обмениваться самими марками, расписавшись на них и проставив дату. Впрочем, вопрос о процедуре является, очевидно, сравнительно частным, "техническим", и в данном случае не представляет для нас особого интереса.

Таким образом, эти два принципа - неприкосновенности частной собственности и материальной ответственности государства по своим обязательствам перед гражданином, - будучи положены в основание реформы системы правоотношений человека со своим

государством, способны кардинально изменить гражданскую ситуацию в стране. Платежи в бюджет, утратив форму налогов, станут предметом личной заинтересованности каждого человека. Материальные интересы гражданина и государства, наконец, соединятся. Прекратится вековая налоговая война между ними. Бюджет будет наполняться полностью, и при этом наполняться без каких-либо усилий со стороны государства, стихийно, сам собой, самотеком. Наполняться так же естественно и полноценно, как наполняются деньгами каналы товарного обращения, как

наполняется к концу дня касса  
торговой фирмы, всегда готовой  
предложить покупателю  
качественный товар. Отпадет нужда  
в многотысячной армии налоговых  
инспекторов, полицейских,  
финансовых контролеров.  
Прекратится государственная слежка  
за частными делами граждан. Вместе  
с налогами исчезнет сама  
возможность налоговых  
преступлений. Станет чище правовая  
среда хозяйственной деятельности.  
Столь необходимый для этой  
деятельности бухгалтерский учет  
вернет себе свое естественное  
назначение, станет именно учетом

"для себя", а не отчетом "для государства". Лукавить в нем станет бессмысленно. Ложь сделается убыточной. Осядет гигантский вал абсурдного, фальшивого по своему содержанию документооборота, экономя труд людей для более полезного применения. Исчезнет нужда "борьбы с коррупцией" - брать взятки окажется невыгодно чиновничьему аппарату. Экономика выйдет "на свет", в "тени" останется только криминальный оборот. Но главное, человек станет полноценным частным собственником, а государство - его

сильным, внимательным, честным, обязательным и аскетичным слугой.

Останется ли оно при этом собственником? Это будет невозможно. Утратив контроль над источником собственности, над человеческим трудом, оно превратится в распорядителя и пользователя средств, предоставляемых ему обществом. В своего рода "наемную администрацию" товарищества, именуемого "населением страны".

\* \* \*

Как видим, представление о незаменимости налоговой системы - не более чем миф. В результате ее упразднения и осуществления данной реформы общество сделает шаг из царства мифической реальности в царство реальности объективной. Испарится абсурд, господствующий в представлениях об общественном устройстве, и этим представлениям будет возвращен, наконец, их истинный смысл.

Но, конечно, с привычным мифом трудно расставаться. А новая идея - пока она нова - в любом человеке будит скептика. "Слишком она

хороша, - скажет этот скептик, - чтобы быть реалистичной. Слишком похожа на утопию".

Но так ли? Утопия - это учение, построенное на моральных идеалах - идеалах "справедливости", "равенства", "братства" и т.п. В нашем же случае все строится только на личном материальном интересе человека, если угодно, на его меркантильном, эгоистическом расчете. Чтобы осуществить названную реформу и получить те результаты, к которым она неизбежно ведет, не нужно менять человека. Для этого не требуется, чтобы он стал лучше, умнее,

совершеннее, нравственнее, добрее, бескорыстнее. Пусть он останется именно таким, каков он есть.

Достаточно, если он будет настолько развит, чтобы суметь рассчитать свою выгоду и постараться не упустить ее. А теория, построенная на этом расчете - это, в сущности, уже даже и не теория, а сама жизнь.

Что может воспрепятствовать тяге человека к нормальной и обеспеченной жизни? Неверие в возможность переустройства общества, необходимого для этого? Но даже и неверие не остановит его в стремлении жить лучше. Поэтому и неверие его в реалистичность



упразднения налоговой системы не спасет ее. Она обречена, ибо порочна по своей сути и разорительна для общества. Трудность заключается только в том, чтобы расстаться с ней не навредив себе, не вызвав потрясения основ гражданского благополучия.

Но для успеха этой реформы и не нужны ни революция, ни передел собственности, ни приватизация, ни национализация. Ничего, что могло бы поколебать эти основы. Ее не нужно "продвигать", "внедрять", "толкать", она пойдет сама собой, едва начавшись. В то же время, чтобы свести риск ущерба от ее

стихийного развития, необходима разумная сдержанность и последовательность. Так, было бы, конечно, безрассудным, начиная ее, рисковать сразу всем бюджетом. Возможно, следовало бы сохранить акцизы, таможенные тарифы. Возможно, следовало бы также составить список, скажем, ста крупнейших фирм и на первом этапе реформы сохранить для них действующий порядок налогообложения. А всем, не вошедшим в список хозяйствующим субъектам позволить выбирать удобный для себя режим платежей - налоговый или гражданский. Тем

самым риску неудачи реформы подверглась бы при осторожном подходе лишь одна десятая доля бюджета. И только убедившись в ее успехе, можно было бы сделать следующий шаг к окончательному упразднению налоговой системы.

Вообще, главные задачи, связанные с реформой - юридические, организационные, технические - придется решать как раз на подготовительном и начальном этапе ее осуществления. Именно начать, как известно, труднее всего. Но, во-первых, это те самые задачи, которые давно уже настойчиво требуют решения - задача наполнения

бюджета, перестройки судебной системы, искоренения коррупции и т.п. У этой реформы нет иных задач, кроме тех, которые и без нее должны быть решены, но которые без нее решены быть не могут. А во-вторых, при всей их сложности, они, в сущности, гораздо менее сложны, чем, например, искусственная ваучерная приватизация, и несравненно дешевле, чем, например, чеченская война. Реформа вполне по силам обществу, и при правильной постановке дела она вполне может быть проведена и с минимальным риском, и с максимальной отдачей.

Найдется ли политическая сила, которая возьмется за эту работу? И в этом нет сомнений. Идея этой реформы гарантирует любой партии победу на выборах. Ибо нет более выигрышной политики, чем политика на выигрыш избирателя. За партию, заявившую эту идею, проголосуют все, кто ощущает тяжесть налогового пресса, все, кто ищет и не может найти защиты у бессильного государства, кто хочет видеть его сильным и честным и сам не хочет обманывать его, одним словом - все. При этом политический "цвет" партии не имеет никакого значения. Эта идея

не связана ни с какой идеологией, кроме идеологии здравого смысла и практического расчета.

Единственное условие, которому должна отвечать такая партия - это наличие здравого смысла у нее самой.

Конечно, идея этой реформы более близка партиям так называемого "правого" политического фланга с их приверженностью делу защиты прав человека и укрепления института частной собственности. Но в данном случае, наверное, будет правильным судить иначе: та партия, которая возьмется за данную реформу - это

как раз и окажется подлинно  
"правая" партия.

Утопическое сознание питается мифами. Дикарь не умеет отличать миф от реальности. Но эволюция сознания, как и эволюция органического мира, заключается в его приспособлении к обстоятельствам реальной жизни, в развитии способности ко все более точному и адекватному отражению этой жизни в "зеркале" своего разума и освобождении от мифов. К счастью, все мы находимся в процессе такой эволюции.

**МИФ О ДЕМОКРАТИИ**

"...Идиотизм его веры,  
чувственная, счастливая  
преданность рабству были в  
нем словно прирожденными  
или естественными..."

А.Платонов. "По небу полуночи".

Конституция России (ст. 3) гласит:  
"...Единственным источником власти  
в Российской Федерации является ее  
многонациональный народ".

Что это за роль, которая отводится  
Конституцией народу - быть  
"источником власти"? Источником -  
для кого? Понятно, что не для себя.



Понятно, что ни для кого иного, как для государства, для государственного аппарата, для его чиновников. Власти - над кем? И на этот вопрос ответ ясен: над самим народом, над каждым гражданином России. Кому при таком распределении ролей принадлежит власть: государству или народу? Кто из них является стороной безвластной? Наконец, как следует назвать форму политического устройства, наделяющую чиновника властью над народом, хотя бы и позаимствованной у него, а народ оставляющую без власти, хотя бы он и являлся ее источником? Ответ и на

сей раз лежит на поверхности. Это - бюрократия.

Давайте называть вещи своими именами. Давайте признаем, что демократии, иначе говоря, народовластия, то есть такой политической организации общества, когда власть принадлежит самому народу и не отнимается у него, не концентрируется в руках обособленной группы лиц, образующих государственный аппарат, когда народ является ее носителем, а не ее источником, в нашей стране нет. Давайте признаем, что в первой же статье Конституции России допущена ошибка. В ней

утверждается, что "Россия есть демократическое государство". Такое утверждение и вообще безграмотно, ибо Россия - это вовсе не государство. Это прежде всего общество, ее народ, проживающий на своей земле. Одним словом, Россия - это страна. Поэтому в Конституции вернее было бы записать: "Россия - это страна с бюрократической формой власти, источником которой является народ". Давайте взглянем на этот факт открытыми глазами и найдем для себя утешение в том, что точно так же обстоит дело и в любой другой "демократической" стране.

Кого мы обманываем, называя бюрократию демократией? Кого, кроме самих себя? Какой смысл в таком самообмане? Его оправданием может служить лишь то, что мы предаемся ему искренне. Но искренний, непреднамеренный самообман всегда есть следствие заблуждения. Не умея его распознать, мы тем самым расписываемся в том, что не видим разницы между бюрократией и демократией, не понимаем суть демократии. А значит, наше представление о ней есть не более чем миф, такой же наивный, как и миф о частной собственности. И оставаясь в убеждении, будто нам

(или кому-то еще) удалось ее

осуществить, мы остаемся все в том же царстве мифической реальности.

Попробуем понять, что составляет действительную природу демократии и что отличает ее от бюрократии. Для этого необходимо хотя бы кратко остановиться на том, что такое "власть" и "свобода".

Власть можно определить как возможность подчинения себе чужой воли. Как возможность диктовать свою волю другому человеку.

Власть - это господство не над телом человека, а именно над его волей. Внешне подвластность человека

обнаруживается в его поведении. Но само подчинение власти происходит не в момент совершения им того или иного поступка, а в момент выбора поступка. Человек подвластен другому не в своем поведении, а в принятии решения относительно своего поведения, в процессе, скрытно протекающем в его сознании. А именно, он является подвластным, если при выборе решения оказывается вынужден руководствоваться не своими желаниями и своей волей, а желаниями и волей, навязанными ему со стороны. Если оказывается вынужденным выбирать себе

поведение, игнорируя собственную волю, себя самого.

Конечно, может случиться и так, что навязанная воля совпадет с намерениями самого человека. Такое совпадение как раз и создает иллюзию свободы. В этом случае человеку кажется, будто власть другого довлеет над ним только тогда, когда ему приходится поступать вопреки своей воле. Только в этом - в принуждении действовать наперекор своим интересам, вопреки себе, - он готов усматривать сущность власти. Однако подлинная ее сущность заключается в том, что властвующая



воля всегда безразлична к воле подвластной. Властвующему субъекту на самом деле все равно, совпадет ли его желание с желанием субъекта подвластного или нет.

Именно поэтому становится возможным и совпадение этих двух желаний, и их расхождение.

Принцип власти можно выразить словами К.Маркса (высказанными им, впрочем, по другому поводу): "Все, что может быть сделано по воле человека, может быть сделано и против его воли".

Властвующий всегда безразличен к воле подвластного, а стало быть, и к нему самому. Личность подвластного

для него не имеет значения. Поэтому возможность командовать другим человеком всегда рождает стремление командовать всяким другим человеком, всеми людьми. Всякая власть больна стремлением к расширению своих границ, к экспансии.

На это, конечно, можно возразить, что существует множество примеров того, как человек вполне удовлетворяется "локальной" властью - властью над ограниченным кругом лиц или даже отдельным лицом. Причем, его желание сводится к властвованию именно над этим лицом, а не над кем-либо иным.

Так, шантажист совсем  
небезразличен к тому, кто именно  
является его жертвой.

Но это лишь иллюзия. На самом деле  
шантажиста совсем не интересует  
лицо его жертвы. Гораздо важнее для  
него богатство или должность этого  
лица, то есть его внеличные  
признаки. Названное правило  
действует универсально во всей  
сфере социальных отношений.  
Однако следует иметь в виду, что  
далеко не все человеческие  
отношения имеют социальный  
характер. За пределами социальной  
сферы это правило, разумеется,

неприменимо, как неприменима и сама категория власти.

В чем притягательность власти?

Только в том, что она открывает человеку доступ к благам, которые иначе оставались бы для него недостижимы. Сама по себе власть не является целью, а только средством к приобретению искомых благ, прежде всего материальных.

Однако широко распространено мнение, будто прелесть власти заключается в ней самой, будто сама она и является целью, ради которой человек готов порой идти и на материальные жертвы, видя в них как раз средство ее достижения. Следует

ли отсюда, что власть может быть и самоцелью? Во мнении человека - конечно, но по своему объективному назначению - безусловно, нет. Власть подобна золоту или деньгам. Никто не станет спорить с тем, что ценность денег заключается только в том, что они могут быть превращены в любое благо. Другого назначения они по самой природе своей просто не имеют. Между тем, всегда находились люди, усматривающие в них не средство к обеспеченной жизни, но цель, оправдывающую любые лишения, в глазах которых блеск золота и был сам по себе объектом вожделения. В литературе

представлено немало художественных портретов таких людей - Плюшкин, Барон (Скупой рыцарь), Гобсек. Понятно, что если бы деньги не имели ценности магического средства для всех, они никогда не стали бы предметом маниакальной цели для некоторых. Подобные исключения лишь подтверждают общее правило. А общее правило состоит в том, что власть не обладала бы для людей никакой привлекательностью, если бы не могла служить источником обогащения. Но именно потому, что на всем протяжении человеческой истории она успешно исполняет эту

роль, даря рабовладельцу труд раба, сеньору - труд вассала, чиновнику - труд гражданина в виде права распоряжения изымаемой долей общественного труда вмесите с сопутствующей этому праву выгодой, она становится для отдельных лиц таким же фетишем, каким бывают и деньги в их мистифицированной функции сокровища.

Впрочем, в бюрократическом обществе власть обнаруживает и еще одно манящее свойство - способность выступать суррогатной заменой таланта. Талант - это особенность не социального субъекта, а личности, выделяющая ее

в социальной толпе. Делая карьеру, чиновник тоже стремится выделиться. Его активность подогревается азартом. Ведь власть, за которой он гонится, принадлежит не имени, не роду, не крови, а безродному креслу, чину, должности и поэтому, в сущности, доступна каждому. И тот факт, что она, в случае успеха, достается именно ему, награждает его чувством собственной значимости, исключительности, ощущением превосходства над остальными. Человеку посредственному это ощущение способно заменить сознание личной значимости,



даруемое талантом. Поэтому именно в глазах людей недаровитых власть обладает особой притягательностью.

Полной противоположностью власти является свобода. Ее можно определить как независимость от чужой воли. Не от всех обстоятельств и условий бытия (поиски "абсолютной свободы", когда они ведутся в этом направлении, неизбежно заходят в тупик и завершаются нелепым выводом о том, что коль скоро "свободы нет от силы тяготения", от "биологических потребностей", а для человека, живущего в обществе - и "от общества", то "свободы нет вообще"),

но независимость только от одного внешнего фактора - от воли другого человека. Это определение можно проиллюстрировать следующим примером. Представим человека, идущего по дороге. На его пути встречается яма. Он ее обходит и идет дальше. Можно ли сказать, что яма, заставившая его сделать несколько лишних шагов, стеснила его свободу? Нет, конечно. Иначе пришлось бы признать, что и любое препятствие на его пути, и сама протяженность пути, в конечном счете и все, что его окружает, и даже он сам, как часть, неотделимая от своего окружения, - все мешает ему

быть свободным; что достичь свободы ему может позволить только избавление и от мира, и от самого себя, но тогда кто останется носителем свободы и свободой от чего она для него явится? Свободой Никого от Ничто? Но от Ничто даже Никто не может быть свободен. А значит, "свободы нет, как нет и рабства". Отбросив же эти "пустые понятия", мы вновь оказываемся в исходном пункте наших рассуждений, перед задачей определения свободы, а следовательно, и перед необходимостью признать свою полную неспособность сделать хоть

шаг в верном направлении. На самом же деле человек из нашего примера совершенно свободен, свободен абсолютно, поскольку в каждом движении он руководствуется только своей волей, своей, и более ничьей. Но изменим ситуацию: пусть около ямы он встретит некоего регулировщика, который направит его в обход и которому он должен будет подчиниться. Он совершит в точности тот же путь. Но будет ли он свободен и в этот раз? Очевидно, что нет, хотя его воля и не подвергнется никакому насилию - ведь он и сам обошел бы яму. Но он лишается возможности выбора своего

поведения. В этом и будет состоять зависимость его воли от воли другого человека. Эта зависимость и сделает его несвободным.

Свобода - это право человека на владение самим собой. Право принадлежать себе, быть тем, кем может быть только он сам, то есть быть личностью. В этом ее высшая ценность. Это право никем не даруется человеку, но может быть отнято у него. Или добровольно отдано им самим.

Что заставляет его отказываться от свободы? Условием такого поступка, очевидно, является неведение

свободы, непонимание того, что она такое и какую ценность представляет для человека. Причиной же всегда оказывается расчет на получение взамен нее материальной выгоды. Так, наемный работник, подчиняясь на рабочем месте своей воле воле нанимателя, отдает ему свободу вместе со своей рабочей силой за деньги. Он поступает так, когда не находит ей иного, более выгодного применения. Подобный поступок можно рассматривать как акт добровольного самоотречения.

Но отречение от свободы в пользу государства, по логике вещей, не может совершаться добровольно, ибо

в итоге его человек не только ничего не выигрывает, но терпит очевидный материальный ущерб. Вместе с тем, в настоящее время оно не имеет и принудительного характера: люди не протестуют против той роли, которую им отводит государство, не возражают, чтобы оно забрало их свободу и превратило ее в свою власть над ними. Объясняется этот парадокс, по-видимому, только непониманием того, что свободу на самом деле можно и не отдавать ему. Обладание свободой - это условие перерождения человека из потребителя в творца, из безликого социального существа в

неповторимую личность. Допуская переплавку личной свободы в государственную власть, мы лишаемся и своего лица, и государства. Однако убеждение в том, что государство не может строиться без власти, владеет нами даже прочнее, чем убеждение в том, что оно не может существовать без собственности. Над нами довлеет тысячелетняя общемировая традиция веры в миф государственной власти. На алтарь этой веры мы и приносим, как жертву, свою свободу.

Степень демократичности общества, как известно, определяется не той мерой свободы, которую государство



предоставляет обществу, а той мерой свободы, которую государство не в состоянии у него отнять. Но кто в данных обстоятельствах устанавливает границу между человеческой свободой и государственной властью, как не само государство? Есть ли у человека хотя бы клочок свободы, который государство не могло бы отобрать у него? Не надо обманываться на этот счет. В обществе, в котором народ является источником власти, источником свободы является государство. В таком обществе свободы как прирожденного права человека нет. Человек пользуется ею

не потому, что рожден свободным, а потому, что отпущен на свободу государством.

Это не первородная свобода. Как частная собственность в условиях господства государственной, свобода человека под сенью государственной власти оказывается продуктом, так сказать, второй свежести. Но, как известно, даже у осетрины "свежесть бывает только одна - первая, она же и последняя" (М.Булгаков). Тем более - у свободы.

Между тем, как ни странно, даже убежденные либералы не видят в этой ситуации ничего, что

противоречило бы человеческой природе. Создается впечатление, что здравый смысл изменяет даже самым здравомыслящим людям, едва они берутся судить о свободе. Общий рефрен таких суждений сводится к тому, что "свобода - это, конечно, благо, но только когда ее в меру. Чрезмерная свобода опасна для общества и оборачивается ему же во зло". Отсюда делается вывод: "Злом может быть не только недостаток свободы, но и ее избыток. Поэтому благом является не только сама свобода, но и ее разумное ограничение". При этом право на введение таких ограничений, а

следовательно, фактически и право на определение степени их разумности, отдается в ведение государства. Эта мысль может быть выражена и в безыскусственной форме: "Свобода - это не вседозволенность", - и более изящно: "Свобода всякого человека кончается там, где начинается свобода другого".

Нет нужды доказывать тот очевидный факт, что подобные суждения служат отнюдь не делу свободы, что они заключают в себе оправдание любого насилия государства над человеком, любого притеснения его свободы и даже полного лишения ее - лишь бы у

государства нашелся для этого достаточно "разумный", "целесообразный" повод. Это уже много раз доказано историей любого общества. Но важно сознавать, что и сами по себе эти суждения лишены какого-либо смысла. Свобода по самому ее существу не может быть ограничена свободой. Право вольного выбора не может быть дано одному человеку за счет отказа в этом праве другому. Попробуйте указать хотя бы один пример, когда свобода одного человека мешала бы свободе другого! Подставим в приведенную формулу вместо слова "свобода" ее определение. Мы

получим: "Независимость воли  
всякого человека кончается там, где  
начинается независимость воли  
другого человека". Не является ли  
осмысленное прочтение этой  
формулы наилучшим  
доказательством ее вздорности?  
Границу свободы кладет только ее  
противоположность - власть.  
Поэтому на самом деле гораздо  
правильнее было бы сказать, что  
"свобода всякого человека и  
начинается, и кончается там, где  
начинается и где кончается свобода  
другого, причем, самого  
несвободного человека". Но если она  
где-то кончается, то она и не

начинается нигде. Ее не бывает "слишком много". Ее не бывает даже "слишком мало". Она либо есть, либо ее вообще нет. И ее нет у общества, отдающего себя во власть государства.

Опасность для людей несет в себе не свобода, сколь бы широка она ни была, а неумение ею пользоваться. Но с этой стороны опасно любое право человека. Опасен сам человек. Само его существование таит в себе угрозу и для него самого, и для всех остальных. Надо ли отсюда делать вывод, что государству должны быть даны полномочия "ограничивать существование" людей? Причем, не

отдельных, а всех в равной мере?  
Между тем, именно на такой логике  
базируются суждения о  
правомерности государственного  
ограничения свободы.

Ножницы в руках ребенка  
представляют собой опасность не  
потому, что они ножницы, а потому,  
что они в неумелых руках ребенка. И  
единственный способ, позволяющий  
в конечном счете оградить от этой  
опасности и окружающих, и ребенка,  
заключается в том, чтобы научить его  
пользоваться ими. А этому нельзя  
научить, отняв их у него. Общество,  
признавая за государством право  
отнимать у него "опасную свободу",



поступает так, будто намеревается  
вечно оставаться неумелым  
ребенком.

Конечно, свобода разума, при слабом  
разуме, становится свободой  
безрассудства. Но только в  
"перевернутом" сознании порок  
разума может быть воспринят как  
порок свободы. Подросток, залезший  
в соседский огород за клубникой,  
наносит ущерб соседу. Является ли  
его воровство демонстрацией его  
свободы? Нет, конечно. Это всего  
лишь демонстрация его глупости.  
Демонстрация его неумения  
соразмерить ущерб, который ему  
может причинить, защищая свою

собственность, столь же свободный сосед, с ничтожной выгодой от воровства. Став взрослым, этот подросток может решиться и на более серьезные преступления. Но и в этом случае его поведение будет служить выражением не его свободы, а его непонимания той простой истины, что причинение вреда другому есть самый верный способ причинения многократно большего вреда себе. Свобода - это вовсе не право поступать, не считаясь с другими людьми, а право самому решать, как поступать. Поэтому зло, заключающееся в поступке - это всегда изъян не свободы, а разума. Но

именно свобода является единственной школой разума. Только опыт общественной свободы может трансформироваться в практику разумного общественного поведения. Отнять же свободу у всех, чтобы застраховаться от опасности неразумных поступков некоторых - значит вообще закрыть эту школу, отнять у общества саму возможность усвоить правила разумного поведения. А значит, и обречь общество на то зло, которое порождает сон его разума.

Лечить разум, ограничивая свободу, все равно, что лечить болезнь, провоцируя ее причину.

Государство требует себе власти, поскольку иначе, без власти, оно, якобы, не может служить обществу. И общество слепо соглашается на это требование. К чему это приводит? Мы уже знаем, что всякому носителю власти свойственно безразличие к подвластному, и что саму власть он рассматривает лишь как средство удовлетворения своих интересов за счет тех, на кого она может быть обращена. Именно такое - безразличное и алчное - государство мы и создаем для себя, когда соглашаемся на роль "источника власти" для него.

У власти есть только одно назначение - господствовать. К служению она непригодна. Это всегда удел подвластного. При этом не имеет значения, попадает ли власть в руки прирожденного тирана или убежденного либерала, искренне намеренного употребить ее на служение общественному благу. Власть - это инструмент регулирования отношений людей, и как всякий инструмент, будучи пригоден к исполнению одних функций, он непригоден к исполнению других. Нельзя вести счет времени посредством топора, как нельзя колоть дрова часами, в

чьих бы руках эти инструменты ни находились. Нельзя служить, владея властью, как нельзя и господствовать, ее не имея. Когда речь идет об отношениях между людьми, этот факт представляется более чем очевидным. Никому и в голову не придет, что слуга только в том случае будет верным слугой, если будет господствовать над своим хозяином. Но когда заходит речь об отношениях между человеком и государством, абсурд и здравый смысл как будто меняются местами. И человек готов отдать государству власть над собой, надеясь только на то, что она попадет в "добрые руки".

Между тем, именно в "добрых руках" она и представляет наибольшую угрозу для человека. Было бы за благо, если бы государство, взяв у народа власть, забыло бы о нем и целиком отдалось заботе о себе. И если бы народ, откупившись ценою власти от государства, избавился бы до следующих выборов от его назойливой опеки. Но на беду у государства, по причине его абстрактности, нет собственных интересов (не считая, разумеется, личных интересов аппарата), и поэтому свою власть ему просто не на что больше употребить, кроме как на "заботу о народе". При этом

определение того, что является благом для народа, а что нет, оно, естественно, оставляет за собой. Чем оборачивается эта забота, известно каждому. Все войны XX века были развязаны правительствами исключительно ради блага своих народов. Во имя "всеобщего счастья" свершилась в России утопическая революция и этой же идеей десятилетиями оправдывалась кровавая история "строительства коммунизма". Только "отеческое попечение" государства лишило нас собственности, культуры, веры и достоинства, под его крылом созрели поколения, ныне чахнувшие от



инфантилизма. Нищету, чеченские войны, унижительные внешние займы и невозвратные внутренние - все это нам подарили его "добрые руки".

Никакое государство не преследует намеренно цели уничтожения или разорения своего народа. Беда в том, что в своих соображениях о народном благе оно опирается не на объективные законы общественного существования, а на свое представление об этих законах, на то абсурдное, фантастическое представление, которое мы уже частично охарактеризовали выше. Беда в том, что становясь в роли носителя власти - в

противоестественной для себя роли - субъектом мира мифической реальности, оно и обществом управляет так, будто и оно принадлежит к этому миру.

Нет ничего отвратительнее, считал И.Кант, чем патерналистская форма правления. Не безразличие государства, не его отстраненность, но как раз его забота, его властное присутствие в каждом частном деле вселяет в народ страх перед ним. Чем горячее и искреннее желание властей служить народу, тем горше его плоды. Но чем тяжелее жизнь народа, тем сильнее становится слепая тяга его к избранию наиболее ревностного

защитника своих интересов.  
Поэтому, наверное, не будет  
преувеличением сказать, что именно  
забота об обществе и есть самое  
губительное для общества и  
непростительное для государства  
последствие огосударствления  
власти.

Таково лицо бюрократии. Вернее,  
лишь некоторые его характерные  
черты.

А что представляет собой  
демократия?

Принято считать, что ее сущность  
раскрывается через перечень тех

прав и свобод, которые  
"демократическое государство"  
соглашается признать в качестве  
неотчуждаемых и принадлежащих  
человеку от рождения: право  
избирать и быть избранным, право на  
равный доступ к государственной  
службе, на объединения, собрания,  
шествия и пикетирование, на  
равенство перед законом, на свободу  
мысли и слова, на свободу  
перемещения, выбора места  
проживания, работы и т.п. Все эти  
права, действительно, составляют  
признаки демократии, но признаки  
внешние, поверхностные, не дающие  
представления о ее сути. Все они - не

более чем ее праздничный, карнавальный антураж, яркие декорации, которыми государство обставляет сцену общественной жизни, но которые оно же в любой момент может и убрать за кулисы. Причем, не только не встретившись с сопротивлением общества, но даже заручившись его поддержкой. Германия буквально за один год - с 1933 по 1934 - перешла от демократии к диктатуре, не ощутив никакой утраты, во всяком случае, утраты того, что составляло бы для большинства народа сколько-нибудь реальную ценность. Столь же стремительно в начале девяностых

годов упала в России цена идеалов демократии, едва поползли вверх товарные цены. Какое общество и в какие времена стало бы держаться за эти права, если в обмен на них ему была бы обещана сытная, обеспеченная жизнь? Нужна ли человеку "свобода передвижения", если ему не на что путешествовать? Зачем ему "свобода мысли", если все его мысли поглощает поиск средств к существованию? Велика ли разница для людей, что служит источником господствующей над ними власти, если эта власть в любом случае правит ими так, как сама считает нужным? Это - демократия лишь на

словах, хотя и запечатленных на гербовой бумаге, но стоящих не больше этой бумаги. Это - утопия демократии, основанная на мечте и не имеющая опоры в реальной жизни.

Между тем, подлинная суть демократии достаточно точно отражена в известном принципе: "Не человек для государства, а государство для человека". То есть, выражаясь яснее: "Не человек зависит от государства, а государство - от человека". Или: "Не человек служит государству, а государство - человеку".

Нетрудно понять, что осуществить этот принцип на деле невозможно ни за счет свободных выборов, ни за счет неподцензурной прессы, ни путем реализации иных политических прав человека. Какую бы власть над собой человек ни выбрал, признавая ее господство над собой, он уже тем самым ставит себя в зависимость от этой власти, от государства. Подлинную независимость ему может дать только полноценная частная собственность. Только собственность, неприкосновенная для государства, делает человека свободным от государства, то есть



неподчиненным его воле. А поскольку и у частной, и у государственной форм собственности источник один и тот же - человеческий труд, - постольку возвращение этого источника человеку означало бы утрату его государством, следовательно, утрату им титула собственника, упразднение государственной собственности, что в итоге поставило бы государство в материальную зависимость от человека. Тем самым и был бы практически осуществлен названный принцип.

Мы уже знаем, что эти две формы собственности - государственная и частная - не могут сосуществовать одновременно. В том обществе, где действует режим государственной собственности, нет частной, и наоборот. Им соответствуют и две несовместимые формы власти - бюрократия и демократия.

Государственная собственность является основой бюрократического строя, при котором власть принадлежит государству, а человек свободен лишь в пределах, которые оно ему отмеряет, то есть, по существу, лишен свободы вовсе. В свою очередь, частная собственность

обуславливает политический режим демократии, для которого характерно ограничение государственной свободы пределами, отмеряемыми ему человеком, и признание человека не только источником, но и носителем власти. Иными словами, в демократическом обществе государство не имеет привилегии государственной собственности, равно как и государственной власти.

Таким образом, основу демократии составляют не декларативные политические свободы, а реальные экономические права. Подлинная демократия начинается лишь тогда, когда названный принцип становится

законом материальных отношений человека с государством.

Не приведет ли, однако, такая политическая реформа к хаосу безвластия? Не окажется ли в этом случае демократия тождественной анархии? Подобные опасения, разумеется, вполне естественны, хотя и совершенно беспочвенны.

Анархия есть учение, провозглашающее своей целью уничтожение государства и всех его институтов: государственного аппарата, юридической системы (с заменой ее на систему обычного права), судов, полиции, пенитенциарных учреждений и т.п.

"Государство должно быть разрушено"; "мы неизбежно приходим к выводу о необходимости уничтожения государства" (П.Кропоткин) (12). Но главное, это учение отвергает частную собственность, и даже, - ради достижения "абсолютного равенства" людей, - отвергает какую-либо собственность вообще: "Анархисты считают, что существующая теперь частная собственность... есть зло; что современные наши общества должны уничтожить эту систему", - и т.д.(13). У нас же речь идет не об уничтожении государства - оно,

разумеется, сохранится, как  
сохранится и система права, система  
судов и проч., - а об освобождении  
его от функции, которую оно хотя и  
исполняет веками и приобретение  
которой исторически, пожалуй,  
вполне оправдано, но которая, в  
сущности, не свойственна его  
природе и уж тем более не может  
принадлежать ему в  
демократическом обществе - от  
функции господства над обществом.  
А средством для этого является как  
раз утверждение частной  
собственности. Так что, как видим,  
между анархией и обсуждаемым

воззрением на государство и демократию нет ничего общего.

Попробуем теперь яснее представить себе роль государства в демократическом обществе.

Каждый человек заинтересован в поддержании устойчивого порядка общественных отношений. Этот порядок в демократическом обществе регламентируется сводом законов, смысл которых в конечном счете сводится к признанию и защите одного-единственного права человека - принадлежать самому себе, быть самим собой. Это право может быть названо иначе "правом

частной собственности". Или - "правом быть свободным". Под другими именами оно образует весь перечень "естественных прав человека". Эти права являются законом, диктуемым человеком, можно даже сказать - человеческой природой, - государству. В свою очередь обязанность государства перед человеком состоит в издании юридических законов, соответствующих этим правам. На основе этих законов осуществляется правосудие. Если должностные лица, олицетворяющие государство, не могут справиться с этой задачей, они ставят государство на грань утраты



финансовой поддержки общества. Гражданин едва ли станет платить государству, деятельность которого противоречит его интересам. Вследствие этого отстранение таких лиц от должностей явится предметом заинтересованности не только общества, но и государственного аппарата. Причем, для последнего оно будет служить предметом не моральной, а материальной заинтересованности. Механизм замены высшего должностного лица государства сложился и действует уже в бюрократическом обществе. Это - выборы и судебное решение

(импичмент). Определять же степень соответствия любых государственных актов своим природным правам всякий человек сможет сам. Он это делает и сейчас, но по правилам бюрократического общества он лишен возможности самостоятельно влиять на законотворческую деятельность государства. Такое право предоставляется лишь его представителям - депутатам законодательного собрания. В демократической стране он сможет сам опротестовать любой закон, указ, любое решение государства, обратившись в суд и опираясь на Конституцию. Конституция - это

закон, адресованный от лица общества государству. Она принимается всенародным голосованием и не может ни в чем быть изменена государством. Государство обязано ее соблюдать и следовать ей в каждом своем решении. Если же по иску гражданина обнаружится, что государство в своем решении отклонилось от предписаний конституционного закона, то такое решение отменяется судом как противоречащее интересам не одного лишь истца, а всех граждан, проголосовавших за данную Конституцию, то есть как

противоречащее интересам всего общества. Понятно, что иск, связанный с защитой личных интересов, ущемленных государственным решением, принятым во исполнение Конституции или иного действующего закона, удовлетворен в этом случае не будет. Иными словами, оставаясь защищенным от произвола государства, человек в своем диалоге с ним вынужден будет считаться с фактом его служения не только ему, но и другим людям, с фактом наличия и у других людей собственных интересов - с фактом таким же объективным, как яма на

дороге. Поэтому будучи свободным в своих действиях и обладая властью над государством, он не сможет обратить его силу в ущерб свободе или иным законным правам какого-либо другого человека, но всегда сможет воспользоваться его силой для защиты своих конституционных прав. Таким образом создается режим непрерывного и непосредственного контроля общества за действиями государства. Дополненный правилом материальной ответственности государства за неисполнение своих обязательств и административной (и дисциплинарной) ответственности

должностных лиц, он и явится гарантией соблюдения прав человека в демократическом обществе.

В стране, находящейся под бюрократической властью, гарантом прав человека является государство. Оно устами высшего должностного лица (Президента) приносит клятву обществу на верность своего служения ему. Оно эту клятву легко дает, но, не неся никакой ответственности за ее несоблюдение, так же легко ее нарушает. Такая клятва - не более чем процедурная формальность, никого и ни к чему не обязывающая. Да и как, в сущности, государство может гарантировать

человеку защиту его прав, если необходимость в такой защите обуславливается в первую очередь возможностью покушения на них со стороны самого государства? Такая гарантия, разумеется, не стоит и гроша ломаного.

Обретя материальную независимость от государства, человек сам становится гарантом своих прав. В чьем лице он может найти более надежного гаранта? Кто чувствительнее его самого к ущемлению его прав и кто сильнее его заинтересован в их надежной охране? Но для защиты своих прав он нуждается в сильном и подчиненном

его воле государстве. Иными словами, он нуждается в государстве безвластном и несвободном.

Здесь нет никакого парадокса. Ибо, во-первых, альтернативой такому государству является только безвластное и несвободное общество, то есть общество, лишенное реальной возможности защищать свои права. А во-вторых, только такое государство и является на самом деле сильным.

Вернемся еще раз к вопросу о том, как понимать выражение "сильное государство". Реальный смысл его заключается вовсе не в том, что



государство может любого человека скрутить в "бараний рог", переступить через любые его права и всякому навязать свою волю. Это - смысл выражения "деспотическое государство". Сильным же является то, которое способно обеспечить неуклонное соблюдение закона, а следовательно, и прав своих граждан, с чьей бы стороны ни совершалось покушение на них (то есть обеспечить соблюдение принципа равенства всех перед законом); которое обладает достаточными средствами и несет обязанность восстановить нарушенное право человека, если не смогло его

защитить; которое создает для человека условия безопасного существования и дает ему уверенность в исходе любой законной деятельности. Иными словами, это государство, к которому человек всегда может обратиться за помощью и которое всегда ему эту помощь окажет. Но для этого не оно должно обладать властью над человеком, а человек над ним; для этого оно не должно быть свободно в своих действиях перед лицом законных требований человека, а напротив, должно быть подчинено им. А это и значит, что оно должно

быть безвластным и несвободным по отношению к человеку.

В этом проявляется единая для всех исторических обществ закономерность: у государства тем меньше силы и ответственности, чем больше власти и свободы. И наоборот. Поэтому о демократическом государстве можно сказать, что оно заведомо не может не быть сильным.

Но насколько оно будет прочным? Демократия как форма власти, основанная на честном слове государства и вольной речи народа, то есть мифическая, словесная

демократия, драпирующая собой реально царствующую бюрократию, легко может быть отнята у общества, может быть трансформирована в сколь угодно жесткую тиранию. Не будет ли грозить такая же участь и подлинной демократии?

Очевидно, что нет. Ибо она основывается на самом прочном социальном фундаменте - на частной собственности и личном материальном интересе. Ее так как же трудно отнять у человека, как отнять у него право собственности или возможность приобретения выгоды. Никакая демагогия не сможет обмануть его настолько,

чтобы он отказался от собственности, а следовательно, и от власти, охраняющей эту собственность. И даже экономические потрясения, если они постигнут страну, не заставят его разочароваться в демократии, поскольку именно она и будет служить ему самым надежным средством решения любых экономических проблем. Можно не сомневаться, что, однажды почувствовав вкус полноценной частной собственности, он уже ни при каких обстоятельствах не отдаст это право никому. А значит, не отдаст и ни одного из тех прав, которые

вырастают из этого материального права и которые, взятые отдельно от него, составляют содержание современного представления о демократии. Поэтому, однажды утвердившись в обществе, демократия будет царить в нем так долго, как долго будет царить в нем частный материальный интерес.

Каким образом устроено демократическое государство? Будет ли оно отличаться от бюрократического только содержанием своей деятельности или еще и формой своей конструкции?

Разумеется, оно будет иным. Но чтобы понять, каким именно, необходимо ясно сознавать, что осуществление демократической реформы возможно лишь при условии осуществления реформы отношений собственности, о которой шла речь в предыдущих главах.

Между этими двумя реформами - экономической и политической - существует не просто сходство, но глубокое внутреннее единство. В сущности, это даже не две реформы, а одна, именно - реформа отношений собственности, которая неизбежно влечет за собой соответствующие

перемены в сфере отношений власти. Это их органическое родство прослеживается буквально во всем. В самом деле, целью экономической реформы, как мы помним, является возвращение человеку полноценного права собственности. Целью политической реформы является возвращение ему полноценной свободы. Что такое "собственность"? Ее в данном случае можно понимать как признание другими людьми права данного человека на свободное обращение с вещью, с объектом собственности. А "свободу" в свою очередь можно трактовать, как признание другими людьми, всем



обществом, неприкосновенности права собственности данного человека на самого себя. Объем естественного права частной собственности всегда ограничен продуктом труда самого собственника. Это право не распространяется на продукт собственного (не отданного в наем) труда других людей. Равным образом объем свободы человека ограничен властью над самим собой, пределами того выбора, который он рассматривает для себя, и не затрагивает свободы никакого другого человека. Власть над собой не переступает этой границы и не

перерастает во власть над другими. Объектом собственности, далее, является всякое благо, создаваемое в процессе деятельности человека, способное удовлетворять человеческие потребности и, в частности, выступать товарной ценностью. Объектом же свободы является сама эта деятельность, совершаемая во благо человека. Иначе говоря, если собственность - это "власть" над конечным продуктом деятельности, то свобода - это "власть" над самим ее процессом. И уже хотя бы отсюда становится ясным, насколько глубоко и сколь нерасторжимо единство

собственности и свободы. Ценность права собственности состоит в том, что оно дает человеку возможность владеть объектом его потребностей. Ценность свободы в данном случае заключается в том, что она позволяет человеку любой объект собственности превратить в объект своей потребности - в процессе создания объекта или за счет трансформации его потребительной стоимости в процессе товарного обмена. То есть свобода дает человеку возможность удовлетворить те желания, которые он сам считает нужным удовлетворить. С целью увеличения объема собственности

человек вправе отчуждать от себя квалифицированные правомочия собственности - распоряжение и пользование, - отдавая их в ведение других лиц (наемных работников, партнеров по договору), а для финансирования деятельности, связанной с защитой своих прав - государству (на часть собственности, равной величине гражданского платежа). В итоге государство становится распорядителем и пользователем средств, отчисляемых ему собственником. С этой же целью защиты своих прав человек может отчуждать в пользу государства "квалифицированные правомочия"

своей свободы (или ее оборотной стороны - власти). У этих правомочий нет собственных наименований. Они еще не даны им общественной наукой. Поэтому условно мы можем назвать их правомочиями "распоряжения и пользования властью". Заметим, что вручение государству этих правомочий не означает наделение его самой властью. И здесь проявляется родство власти и собственности. Передавая какому-либо лицу правомочия собственности, человек не отдает вместе с ними и самого права собственности, не лишается его.

Точно так же, отдавая государству правомочия власти, человек, носитель власти, не утрачивает ее. Он остается ее полноценным "владельцем", то есть субъектом, самостоятельно решающим, кому и на каких условиях эти правомочия отдать. Наконец, мы помним, что реальным субъектом собственности и ее правомочий всегда является отдельный, живой человек, а не "коллектив", "организация", "учреждение" или иное абстрактное "юридическое лицо". Подобным образом обстоит дело и с властью. Человек не может доверить ее правомочия "государству". Говоря о

том, что человек отдает часть своего права власти "государству", мы пользовались этим термином до сих пор (и предполагаем пользоваться впредь) лишь как привычным и упрощающим изложение. Однако следует иметь в виду, что на самом деле приобретателем этих правомочий не может быть "государство в целом", что в этой роли способен выступать только живой, реальный человек, олицетворяющий собою государство, то есть Президент страны. Процедурой же передачи ему правомочий власти, как и в случае передачи правомочий собственности,

является процедура выборов  
Президента (выбора субъекта  
распоряжения).

Как видим, политическая реформа  
представляет собой не что иное, как  
реформу отношений собственности,  
"переведенную" с языка  
экономических категорий на язык  
политических терминов (с языка  
"собственности" на язык "власти" и  
"свободы"). Этим определяется и  
конструкция демократического  
государства, складывающаяся в ее  
итоге.

Государство возглавляется  
Президентом, наделяемым



квалифицированными полномочиями власти и избираемым путем всенародного голосования. Его главная задача состоит в отправлении этих полномочий в целях, определяемых Конституцией, то есть законом, для него неприкосновенным, принимаемом обществом на референдуме.

Чем будет руководствоваться гражданин при выборе Президента? Очевидно, теми же соображениями, какими руководствуется собственник при выборе распорядителя своего имущества - соображениями выгоды. В данном случае - соображениями эффективности и дешевизны

государства, которое он приобретает в лице того или иного претендента на президентский пост. Нетрудно понять, что обычные для предвыборных кампаний в бюрократическом обществе обещания и клятвы кандидатов - поднять жизненный уровень, защитить отечественного производителя, поддержать ту или иную отрасль, гарантировать заработную плату, пенсии, стипендии, помочь малоимущим, "социально незащищенным" и т.п. - вся эта откровенно демагогическая риторика сделается совершенно ненужной. Ибо что смог бы кандидат

пообещать гражданину сверх того, что этот гражданин, будучи материально независимым от государства и властвуя над ним, не мог бы обеспечить себе сам? Что могло бы сделать для него государство, чего он не мог бы заставить его сделать, опираясь на закон, то есть, не ущемляя прав других людей? Гражданин не ищет любви своего государства и ему не нужна его забота. Он хочет видеть в государстве надежного и сильного слугу. Поэтому манифест каждого кандидата в итоге сведется к перечню тех программ, которые он, в случае его избрания, намеревается

осуществить, с указанием стоимости каждой программы и выведением итоговой цены его государства.

Конечным же и обобщающим показателем явится ставка гражданского платежа (процент от цены сделок гражданского оборота), которую испросит кандидат у общества для финансирования своего государства.

Выше, рассматривая экономическую реформу, мы оставили открытым вопрос о способе определения величины этого платежа. Теперь мы получаем ответ на этот вопрос: ставка платежа будет определяться в

ходе конкурентной борьбы  
кандидатов на президентский пост.

Кого из ее участников предпочтет избиратель? Очевидно, того, чье программное "меню" будет полнее соответствовать его вкусам, а при схожести кандидатов по этому признаку - того, чье "меню" окажется дешевле. То есть того, кто пообещает ему полноценную государственную защиту и исполнение иных конституционных обещаний за меньший процент гражданского платежа. И только в случае совпадения позиций кандидатов в этой конкретной, нелукавой цифре, он станет оценивать их по их личным

качествам, по их обаянию, по цвету галстука или фасону пиджака.

Таким образом, и в этом случае, как и во всех остальных, действие механизма демократии обусловит автоматическое подчинение государственного интереса общественному, когда, движимые разными намерениями, кандидат в Президенты и избиратель сойдутся в стремлении максимально снизить цену государства, одновременно с тем подняв, насколько возможно, качество государственных услуг.

Сможет ли кандидат, победивший на выборах, уклониться от исполнения

своих обещаний? Очевидно, что нет. Во всяком случае, его легко лишить такой возможности. Так, может быть предусмотрено конституционное правило, обязывающее вновь избранного Президента в ограниченный срок, скажем, в течение 100 дней после вступления в должность, издать закон, вводящий в действие ту ставку гражданского платежа, которую он, будучи кандидатом, обещал избирателям. В противном случае он автоматически отстраняется от должности и Президентом страны становится другое лицо, например, вице-президент или кандидат, занявший на

выборах второе место по числу поданных за него голосов. Подобным образом можно обеспечить и исполнение остальных его обещаний, имеющих ясный смысл, конкретный объем, легко определяемый результат и твердую цену (других обещаний избиратели от него, очевидно, и не примут). И вместе с правом гражданина в судебном порядке обязать Президента следовать своему слову, эти меры позволят гарантировать обществу исполнение предвыборных посулов Президента.

Конечно, в связи с этим можно заметить, что Президент ограничен в своих возможностях. Он не вправе



издавать законы. Он может обещать некую ставку платежа, но может оказаться не в силах выполнить обещанное, поскольку бюджетом ведает не он, а законодательное собрание, Парламент. Парламент же может не согласиться с ним.

Действительно, именно так сконструирована государственная машина в настоящее время. Но зачем Парламент демократическому обществу? Какие функции он будет выполнять и каким целям служить? В условиях демократии власть принадлежит гражданину, и эту власть, в том числе власть над Президентом, он имеет возможность

осуществлять непосредственно. Зачем ему отдавать ее каким-то другим людям, так называемым "представителям", "депутатам", зная заранее, что они наверняка используют ее не лучшим образом, прежде всего в своих, а не его, гражданина, интересах? Зачем власть, данную человеку природой - власть над собой - отнимать от себя и отдавать в чужие руки? Зачем ему лишать себя права самому контролировать деятельность государства? Зачем терять возможность самому защищать свою свободу и вверять ее защиту незнакомому и безразличному к ней

человеку? Саму мысль об этом он наверняка расценит как абсурдную и безумную и едва ли согласится следовать ей.

Парламент - это институт отнюдь не демократического, а бюрократического государства. Его существование отвечает интересам лишь того общества, в котором гражданин не свободен, не имеет власти, в котором он является лишь "источником власти" для других. В конструкции демократического государства его просто не к чему пристроить, некуда вмонтировать. В нем нет никакой нужды. Поэтому в условиях демократии эта "ветвь

власти" отсохнет столь же неизбежно, как отсохнут и другие бюрократические учреждения - налоговая служба, служба финансового контроля и т.п. А вместе с ней отомрет, уйдет в прошлое и тот особый вид деятельности людей, который именуется "политикой".

В бюрократическом обществе слово "политика" означает "отношение людей или общественных групп по поводу власти", а именно - по поводу присвоения власти. Сфера политики - это сфера раздела власти между людьми, именуемыми "политиками", поскольку народ источает для них

власть. Но понятно, что когда иссякнет источник, политическая деятельность прекратится.

Демократии политика чужда. И не потому чужда, что она ее пятнает, поскольку, согласно известному мнению, "есть дело грязное", а потому просто, что в условиях демократии вырождается в бессмысленное и беспредметное занятие. Поэтому в демократическом обществе не только не будет того поприща скандальной, шутовской деятельности, которое именуется "политикой", но даже и само это слово утратит свой мифический смысл, а из лексического оборота

выпадут такие привычные нам словосочетания, как "политическая система", "политические интересы", "политическая воля" и им подобные.

И, завершая тему, нельзя не коснуться еще одного следствия демократической реформы.

Демократия не имеет национальных признаков. В ней, в отличие от бюрократии, нет ничего искусственного, ничего привносимого людьми из соображений по-своему понятой ими целесообразности или верности традициям, обрядности и т.п. Ее конструкция естественна, и поэтому

настолько проста, что ею может воспользоваться любое общество без какого-либо ущерба для своей культуры и обычаев. Это наводит на мысль о том, что, утвердившись в одной стране, она вскоре будет воспринята и другими странами, что в конечном счете она станет господствующей формой власти на всем пространстве человеческой цивилизации.

Основанием для этого вывода служит и другое соображение. Всякий исторический шаг общества к свободе всегда сопровождался колоссальным материальным выигрышем, приращением его

богатства. Иначе говоря, свобода является фактором не только нравственного, но и экономического прогресса общества. Это обстоятельство обусловило победу бюрократической формы власти над предшествовавшими ей. Но оно же обуславливает неизбежность поражения бюрократии в конкуренции с демократией. Демократическая система не может не выиграть это соревнование, ибо она экономически несравненно эффективнее.

А что будет разделять народы, усвоившие демократический образ жизни, кроме их культуры, истории и



веры? Сохранят ли для них свое нынешнее значение государственные границы? Едва ли, коль скоро и за пределами своей страны человек будет оставаться под защитой таких же законов, гарантирующих его права, какие действуют на его родине. Интернациональный характер демократического строя послужит объединению народов, которому не смогут воспрепятствовать подвластные им правительства. Что в этих условиях может явиться причиной войны между странами? Сохранится ли сама возможность появления такой причины? Станут ли по

собственному побуждению воевать народы, если им не смогут дать и не дадут для этого повод их правительства?

Наверное, не будет ошибкой предположить, что одним из самых важных, а исторически, пожалуй, и самым значительным следствием торжества демократии явится устранение возможности войны из общечеловеческого будущего.

\* \* \*

"Чудище обло, озорно,  
огромно, стозевно и  
лаяй" (14).

О чем это: о российском самодержавии восемнадцатого века или о российской "демократии" двадцать первого? В самом деле, насколько ли изменилось восприятие обществом своего государства за триста лет реформ, революций, гражданских бунтов и войн, перестроек и обновлений? Вопрос, по сути, риторический. Оно изменилось лишь в пустяках, потому что и все пережитые обществом катаклизмы в своем итоге свелись к пустякам.

Во времена самодержавия власть государству - царю - даровалась от

Бога. Ее "источником" служили небеса. Холопский бунт против такого порядка вещей в конечном счете завершился тем, что холопы завоевали право самим избирать царя. Исполнилась "великая холопская мечта": они добились от царя согласия считать "источником" его власти не слепое провидение, а их самих, своих холопов, и это достижение вписали в главный закон, в Конституцию, как краеугольный принцип своей государственности. Кроме того, единую царскую власть они разделили на три части - президентскую, правительственную

и парламентскую (судебная и при самодержавии была уже существенно отделена), - и ограничили своих избранников сроками пользования ею. В остальном же ничего не изменилось. Поэтому не изменилось и отношение к государству, к новому "трехглавому" царю. Впрочем, обновилась фразеология. С тех пор прежний способ родового престолонаследия повелось называть "варварством" или "тоталитаризмом", а себя тех времен поминать как "рабов". Новый же порядок выборного престолонаследия вошло в правило именовать "демократией", себя же

считать "свободными гражданами",  
"избирателями". Кто эти холопы?

Кто, как не мы с вами, господа, мы  
все - и те, кто эту власть имеет, и те,  
кто им ее дает.

Чтобы перестать быть холопами,  
надо перестать думать, как холопы, и  
поступать, как поступают холопы.

Зачем мы создаем государство?

Затем, чтобы отдать ему свою  
собственность, а с ней вместе отдать  
и самих себя в его власть? Будь так,  
разве не пришлось бы усомниться в  
том, что человек - существо  
разумное? Потребность быть рабом  
несовместима со способностью к  
самостоятельному мышлению, то

есть к поведению, в самой основе своей безгранично свободному. Но, как это ни парадоксально, в нас оба эти порыва - и к свободе, и к рабству - сливаются, вроде бы и не мешая один другому. Мы остаемся свободными, пока не задумываемся о свободе. Едва же принимаемся теоретизировать о ней, как начинаем плодить мифы, на которых и основываем государство, превращающее нас в рабов.

Врожденная человеку власть есть власть лишь над самим собой. Только над собой, и более ни над кем.

"Иметь власть над другим человеком", - разве в самой мысли об

этом не сквозит нечто противное  
человеческой природе, нечто  
безнравственное, отталкивающее,  
отвратительное? Впрочем,  
моральный довод не является у нас  
основополагающим при  
формировании государства. Во  
всякой практической сфере, в том  
числе и в деле государственного  
строительства, мы привыкли  
опираться прежде всего на доводы  
рассудка, хотя бы и циничные.  
Давайте примем во внимание и это  
обстоятельство и, исходя из него,  
спросим себя: можно ли построить  
целостную, логически стройную  
юридическую систему, образующую



правовой скелет государства, на основе безнравственного принципа? Можно ли сконструировать связную систему общественного устройства, опираясь, скажем, на закон "о выборах депутата Государственной Думы" или "о выборах Президента Российской Федерации", то есть на законы об изъятии власти человека над собой и подчинении его власти выборных лиц? Ответ дает сама реальность общественного правосостояния. Надо ли удивляться тому, что свод законов России, как и любого другого бюрократического государства, представляет собой рыхлый конгломерат

взаимоисключающих положений, не согласующихся требований, постоянно нуждающийся в "совершенствовании" и "упорядочивании", в "исправлении" и "дополнении"? Надо ли удивляться тому, что наша юридическая система, несмотря на все усилия законодателей, вызывает недовольство и отторжение в обществе? Безнравственная идея не может иметь гармоничной логической формы. А это значит, что не может быть связной, непротиворечивой и исполнимой правовой системы у общества, исповедующего такую идею.

Оснований думать иначе не больше, чем полагать, будто можно создать пригодную к практике систему законов о собственности, исходя из принципа: "Позволяется распространять право собственности не только на свое, но и на чужое имущество". Подобная система заведомо обречена быть порочной, абсурдной, ибо она противоречит естественному порядку вещей. Ибо она инородна, чужда человеческой природе.

Но что значит "признать власть человека над собой"? Это значит - отнять ее у государства. Это значит - поставить его в зависимость от

человека. По сути дела, такая зависимость выгодна государству не меньше, чем человеку. Если человеку она служит гарантией государственной защиты его прав, то государству - гарантией его финансирования, материальной устойчивости. Но вместе с тем это означает конец режима государственной власти, упразднение того порядка вещей, при котором государство пользуется правом по собственному разумению диктовать свою волю гражданину, вынуждая гражданина по собственному разумению искать возможности уклониться от исполнения его воли.

Это значит признать, наконец, что "государственная власть" представляет собой явление, противоречащее природе человека, а следовательно, представляет собой преступление против человека.

Коммунистическая утопия связывала будущее общества с отмиранием государства. Но обществу не нужно умирающее государство. Пока оно испытывает в нем нужду, государство должно быть деятельным и сильным. Если человек отдает ему власть над собой, то сам же и делает его слабым, ибо лишает его какого-либо побуждения служить себе. Именно это и ведет к прижизненному

омертвлению государства. Задача же состоит в другом - заставить жизнеспособное государство улыбнуться человеку. А для этого есть только одно средство - сделать государство материально зависимым от общества, а общество - материально свободным в его отношениях с государством. Другими словами, мы заставим государство улыбаться нам, только когда крепко возьмем его за карман. Только так может быть реализована идея сильного государства. И только на этой основе может быть устроено общество реальной частной

собственности и подлинной демократии.

## **POST SCRIPTUM.**

### **МИФ О ВЫБОРАХ ПРЕЗИДЕНТА (ПОСЛЕСЛОВИЕ К ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ)**

Читали ли вы "Мертвые души"?  
Помните ли путешествие Чичикова  
по помещичьим имениям? Помните  
ли мимолетные описания деревень и  
укладов жизни их обитателей? Вот  
серая, невзрачная, без единого  
деревца Маниловка и устроенное,  
зажиточное поместье Коробочки; вот  
"определенное на вековое стояние"  
хозяйство Собакевича, в котором

"даже колодец был обделан в такой крепкий дуб, какой идет только на мельницы да на корабли", а следом - дряхлое, загдохлое, несущее на себе "какую-то особую ветхость" владение Плюшкина.

У кого из этих помещиков вы хотели бы быть крепостным?

В этом вопросе нет никакого скрытого смысла. Выборы Президента России - это и есть, по сути дела, выборы Хозяина имения, называемого Россией. Хозяина, личность которого так же отпечатывается на устройстве жизни страны, как личность гоголевских



героев проступает в укладе их поместий. Поэтому на выборах, особенно с учетом своеобразия Российской Конституции, вопрос для нас именно так и стоит: кого мы хотим видеть Хозяином России - "Собакевича", "Манилова", или, например, "Коробочку"? А следовательно, какой хотим видеть саму Россию? Именно на него мы и отвечаем, опуская бюллетени в урны.

Представим на минуту, что перед таким вопросом вдруг оказался бы Чичиков. Что бы он ответил на него? Выбрать себе барина ему, конечно, было бы легче, чем это приходится делать нам в нашей ситуации, ибо

ему незачем было бы гадать, какая жизнь ждет его под властью того или другого из них. Он видел плоды их хозяйствования воочию. И все же даже его, человека рабского времени, задача подобного выбора наверняка повергла бы в недоумение. Ведь в самом деле, где же здесь выбор? Между чем и чем - холопством и холопством? Но Чичиков - человек свободный, и для него такая альтернатива не включает в себе вообще никакого выбора. Для него реальный смысл имеет лишь выбор между "быть холопом" и "быть свободным", принадлежать кому-то или принадлежать себе. Более того,

даже и эту дилемму он, наверное, расценил бы как нелепую, пустую, ибо кто же по доброй воле предпочтет рабство свободе!

А для нас именно исканиями "лучшего помещика" исчерпывается идея "свободного выбора", вся суть "фундаментального принципа демократии". Предметом раздумий для нас служат "качества кандидата": кто из них имеет больший опыт, кто лучше зарекомендовал себя в реальных делах, кто из них честнее и т.п. "Какова программа кандидата, - интересуемся мы, - то есть что он собирается с нами делать? Каковы его политические взгляды, демократ

он или коммунист? Даст ли нам землю, повысит ли зарплату, выплатит ли пособия?" Мысль о собственной свободе нас будто и не посещает. Нас беспокоит лишь одно: как бы наш избранник не оказался "Плюшкиным" или "Ноздревым".

А сами кандидаты - что движет ими? Желание властвовать! Потребность послужить благу народа, которой они все мотивируют свою претензию на высший пост государства, не выглядит достаточно убедительной, даже когда декларируется совершенно искренне. В самом деле, легко ли поверить, что нужды какого-нибудь гражданина Иванова,

которого кандидат никогда и в глаза не видел, оказались настолько близки его сердцу, что помощь этому гражданину сделалась смыслом его жизни, целью всех его забот? А ведь "гражданин Иванов" - это и есть тот, кого иначе можно назвать "народ".

Мотив же личной власти звучит куда более правдоподобно. Никто из кандидатов не хочет оказаться под властью другого. Каждый хочет властвовать сам.

Но ведь и Иванов, пусть даже и не отдавая себе в этом отчета, хочет того же. Он тоже желает быть свободным и никому не

подвластным. Он тоже хочет власти себе. Разве что, в отличие от любого из политиков, власти не над другими, а над самим собой. И он мог бы сказать: "Я сам хочу управлять собою, самостоятельно распоряжаться продуктами моего труда. Свою жизнь я хочу выстроить сам, без оглядки на чиновника и не нуждаясь в его согласии".

Но возможности жить самостоятельно у Иванова нет. Даже если он и не захочет избирать себе властного Президента, ему его выберут другие. Да он и не знает, что может быть свободен от власти. Ему об этом никто не сказал, его не

научили этой свободе те, кто  
вызвался быть его учителями. И в  
итоге его стихийная, неосознанная  
тяга к свободе сублимируется в  
отторжение власти. В отторжение,  
принимающее разные формы,  
пассивные и активные, постоянно  
испытывающие бюрократическую  
систему на устойчивость.

Один из самых наглядных примеров  
такой конфронтации - чеченская  
проблема.

"Мятежная республика"  
вознамерилась выйти из-под "власти  
Москвы" и создать свою  
собственную государственность.

Москва, естественно, с этим намерением не согласилась. Спор о власти вскоре перерос в вооруженный конфликт. А представим, как сложилась бы ситуация, если бы Россия была страной не бюрократической, а демократической формы власти. То есть страной, в которой государство и Президент, как его олицетворение, не обладали бы властью ни над кем из граждан. Что в этом случае могло бы побудить Чечню к отделению? Желание обособиться, чтобы возродить бюрократический государственный режим? Но это было бы равносильно стремлению



обменять свободу на холопство, в чем едва ли можно заподозрить какой-либо народ, в том числе и чеченский. Отделиться, чтобы за границами России воспроизвести тот же демократический порядок отношений, который принят и в России? Но для этого тем более нет смысла отделяться. Такое отделение ровным счетом ничего не дало бы Чечне сверх того, что она и так имела бы, находясь в составе России. Так что могло бы в этих условиях послужить причиной чеченского сепаратизма?

Будь Россия демократической страной, чеченская проблема не

могла бы у нее даже возникнуть. Равно как не знали бы проблемы сепаратизма, если бы на самом деле были демократическими, и другие страны - Англия, Испания, Канада, Индия, Израиль и прочие. Сепаратизм ни на какой почве не смог бы развиваться в политическую силу, если бы не существовало самой политики как института властвования государства над обществом.

Мы уже достаточно хорошо сознаем, что у проблем подобного рода нет военного решения. Но нам пока не удастся понять, что нет у них и решения политического. Вообще,

проблема, не имеющая военного решения, заведомо не имеет и политического. Мы этого не понимаем потому, что не знаем никакого "третьего" способа решения, не догадываемся, в чем оно могло бы состоять. Это, впрочем, вполне естественно, ибо в бюрократической стране никаких "третьих" решений и в самом деле не существует. Поэтому и приходится выбирать из тех "двух", ни одно из которых решением не является. Политический подход к делу - принятие отвечающих ситуации законов, осуществление частных реформ, предоставление тем или

иным социальным группам особых прав, подписание специальных договоров и т.п. - никогда не устраняет проблему, а позволяет лишь притупить ее остроту и отложить до времени окончательный ответ на нее. До времени, пока не созреет повод для очередной вспышки гражданской враждебности к государству. Устранить же ее в корне можно, только отказавшись от политических приемов управления этническими, религиозными, культурными процессами, т.е. только упразднив бюрократический строй власти и заменив его строем демократическим.

А пока мы путаемся в этих понятиях, нам приходится "удерживать Чечню" ценой десятков тысяч человеческих жизней.

Впрочем, проблема сепаратизма - лишь одна из многих, порождаемых бюрократией и провоцирующих в обществе недовольство властью. И вывод о том, что у нее нет политического решения, может быть отнесен ко всем ним - к проблеме коррупции, казнокрадства, бессовестного раздела собственности, чиновничьего произвола, преступности и т.п. Они будут тлеть так долго, как долго мы

будем пытаться погасить их "политическими средствами". И столь же долго будут оставаться соблазнительным поводом невыполнимых предвыборных обещаний.

В самом деле, как, например, намеревался кандидат X победить коррупцию, ставя эту задачу едва ли не в центр своей предвыборной программы? Судя по его заявлениям - "триединым способом".

Во-первых, разоблачением взяточников и беспощадным их преследованием. Эта мера, конечно, выглядит внушительно, грозно, но

как, наверное, известно и самому Х, на деле она совершенно неэффективна. Взятку трудно доказать. Редко кто из взяточдателей готов сотрудничать с правоохранительными учреждениями, поскольку дача взятки позволяет ему решить проблему, а сотрудничество в лучшем случае надолго консервирует ее, а в худшем - делает вообще неразрешимой. Но главное заключается в том, что жестокость грозящего наказания вообще не влияет на размах взяточничества. Да, взяточник понимает, что рискует. Его нервируют публикации о

разоблачениях, судах, приговорах и конфискациях. Но его нервируют и известия об авиакатастрофах и автомобильных авариях. Поэтому, рассматривая свое разоблачение как событие хотя и возможное, но, при соблюдении мер предосторожности, маловероятное, он все равно будет брать, как будет продолжать летать на самолетах и ездить в автомобиле.

Во-вторых, повышением заработной платы чиновников. Но это, скорее, может повлечь лишь ослабление интереса к мелким взяткам и рост аппетита к более крупным.



И в-третьих, ограничением круга вопросов, решение которых зависит от прихоти чиновника. Только эта мера и является по-настоящему действенной. Но ее эффективность создается как раз за счет умаления бюрократической власти, за счет сужения области ее применения и расширения простора для деятельности человека, в которой он не подчинен государству. Однако и это - не более чем паллиатив, ибо пока в обществе господствует принцип, согласно которому чиновник должен иметь власть, должен будет оставаться и предмет приложения этой власти, то есть

область человеческой деятельности и человеческих отношений, подконтрольная чиновнику и зависящая от его воли. А значит, сохранятся и условия взяточничества, разве что не столь широкие. (Впрочем, как их ни суживай, их границы стараниями тех же чиновников обычно довольно скоро восстанавливаются).

Другой кандидат, У, лейтмотивом своей кампании сделал обещание "социальной справедливости". Оставим в стороне слово "социальное". Смысл его, похоже, неясен и специалистам. (По мнению многих из них социальными, т.е.,

надо понимать, такими же, как отношения между людьми, являются и отношения рыб в косяке, и отношения пчел в улье). Но слово "справедливость" в политическом контексте не может не пугать. В истории человечества, пожалуй, нет другого столь же кровавого слова. "Справедливость" служила оправданием и целью всех бунтов, восстаний и гражданских войн. Рядом с ним даже слово "гильотина" звучит безобидно, как "прищепка".

С другой стороны, кто же против справедливости? Ее торжества, судя по выступлениям, хотели бы добиться все кандидаты, а не только

У. О ней мечтают и избиратели. Но как обеспечить ее торжество?

В свое время большевики, придя к власти чтобы исполнить, якобы, эту мечту, развернули в печати широкую дискуссию о "справедливости".

Дискуссия, как известно, закончилась ничем, а большевистские представления на этот счет в конечном итоге воплотились в диктатуру компартии. Справедливость, утверждаемая силой власти, и на этот раз, как всегда, обернулась своей противоположностью - тотальным попранием справедливости.

Для любого человека справедливым является лишь то, что он сам считает таковым. С тем, что кажется справедливым другому, он далеко не всегда готов согласиться. Но только в свободных отношениях людей может сложиться тот "стандарт справедливости", который, будучи признан ими, становится законом, обязательным и для них самих, и для государства. "Источником справедливости" в обществе может быть только человек, а не власть. Задача же власти состоит не в том, чтобы "сделать общество справедливым", а в том, чтобы сохранять беспристрастность в

процессе формирования общественных представлений о справедливости и обеспечивать их надежную защиту. Но это вновь возвращает нас к мысли о том, что царство справедливости есть царство демократии, а не бюрократии. Между тем, У, обещая его стране, оговаривал свое обещание условием сосредоточения в своих руках высшей государственной власти. "Вы получите справедливость, только если дадите мне власть, изберете меня Президентом".

Стремясь к власти, каждый кандидат, будто нарочно, обещает обществу избавление именно от тех проблем,

которые являются неизбежным следствием этой власти!

"Необходимо покончить с преступностью! - требовал кандидат Z. - Нужно обеспечить законность и правопорядок в стране!". Каким образом? Нужны большие средства, в частности, чтобы оснастить всем необходимым следственные учреждения, разместить подобающим образом суды, расширить их штаты, наладить работу института исполнения судебных решений так, чтобы всякое решение суда исполнялось неотвратимо. Но можно ли рассчитывать, что у государства

найдутся на это деньги, если ему не придется найти гораздо большие деньги, чтобы заплатить обществу за уклонение от решения этой задачи? Иначе говоря, если его ответственность не будет иметь материального характера, если оно не будет материально заинтересовано в ее решении? Совершенно очевидно, что одной лишь моральной ответственности в данном случае явно недостаточно. Государствам одних стран она может быть присуща в большей мере, обеспечивая лучшее состояние правопорядка, других - в меньшей мере, но нигде она не позволяет



достичь того уровня законности, в котором нуждается общество, который в полной мере отвечал бы его запросам. Но вместе с тем очевидно и то, что если государство примет на себя материальную ответственность за свою деятельность, связанную с охраной правопорядка, то оно не может нести ответственности за финансирование этой деятельности. Это - обязанность общества. А чтобы общество могло ее взять на себя, государство должно позволить ему свободно распоряжаться своими средствами, то есть должно избавить его от налогового рабства. Оно

должно предоставить обществу возможность финансировать систему правозащиты в том объеме, в котором сочтет нужным само общество. Но и это означает, что условием искоренения преступности является не укрепление власти Президента и государства над обществом, а обретение обществом власти над государством и Президентом.

"Я верю в свой народ!" - заявляет каждый кандидат. Но как можно верить в народ, лишенный государством воли, подчиненный государству, не имеющий самостоятельности, ищущий, кому

бы отдать власть над собой! В народ, обманутый ложно понятыми словами о свободе и демократии, никогда не знавший ни того, ни другого! Что стоит эта расхожая формула лести избирателям? С другой стороны, народ, избрав себе Президента, тем самым как бы декларирует: "Я верю в этого человека!" Но как можно верить в того, кто не понимает, что все проблемы, за которые он обещал взяться избирателям, растут из одного корня - государственной собственности и власти, - и что пока крепок этот корень, проблемы можно отодвигать, гасить, сглаживать, но

заведомо невозможно окончательно избавиться от них.

Выбирая Президента в качестве носителя высшей власти, мы одновременно делаем выбор и относительно себя - мы выбираем себе участь холопов этой власти. И всякий раз, разочаровавшись в своем избраннике, мы начинаем лелеять надежду на выборы грядущие. Мы остаемся пленниками этого порочного круга, пока не знаем, как разорвать его.

Между тем, надо лишь сказать себе: "Я больше никому не отдам власть над собой. Я буду свободным". И

однажды проголосовать за человека, который захочет взять в свои руки власть только для того, чтобы, демонтировав бюрократическую систему, вернуть власть народу.

## **ИСТОЧНИКИ ЦИТАТ**

1. Философский энциклопедический словарь (ФЭС). - М., "Советская энциклопедия", 1983. - "Денотат".
2. Дж. Фрезер. "Золотая ветвь". - М., Политиздат, 1983, с. 235.
3. ФЭС, "Основной вопрос философии".
4. И.Ньютон. - Цит. по: Г.Лейбниц. Соч. в 4 томах. - М., "Мысль", 1982, т.1, с. 611.
5. Г.Лейбниц. Соч. в 4 томах. - М., "Мысль", 1982, т. 1, с. 524.
6. К.Маркс. "Капитал". - Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 23, с. 59.
7. Там же, с. 60.

8. Там же, с. 47.
9. Д.Рикардо. Соч. в 4 томах. - М., Политиздат, т. 3, с. 110.
10. Юридический энциклопедический словарь (ЮЭС). - М., "Советская энциклопедия", 1984.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 20.
12. Кропоткин П.А. "Современная наука и анархия". - М., "Правда", 1990, с. 453, 448.
13. Там же, с. 327.
14. Измененный стих поэмы В.К.Тредиаковского "Тилемахида", вынесенный А.Н. Радищевым в эпиграф книги "Путешествие из Петербурга в Москву".

Мерцалов Виктор Леонидович, 1999.

Использование данного материала  
каким-либо лицом, группой лиц,  
партией, движением, объединением

в собственных политических целях без ведома и согласия автора не допускается. Во всех остальных случаях ссылка на источник обязательна.

Тел.: (865-33) 9-07-04; (865-34) 6-26-00

E-mail - [mertsalov@hotmail.ru](mailto:mertsalov@hotmail.ru)